Красный Треугольник

Автор:
Антон Чиж

Красный Треугольник

Антон Чиж

Цвет этой прозы – красный. И место этой книге – на полке, рядом с шедеврами антиутопии Дж. Оруэлла, Л. Кэрролла, Т. Толстой…

Новый роман Антона Чижа – с виду абсурдная сказка – передает картину нашей жизни значительно точнее, нежели самый подробный и правдивый репортаж.

Абсурд. Нелепость. Дикость.

Искал офис, а попал на какой-то жуткий заброшенный завод. И это – в центре Питера! И бродишь провонявшими резиной трущобами в поисках выхода, наматываешь круг за кругом, привлекая внимание обитателей руин, каких-то злобных уродов, и молишь их о помощи. Но в ответ одно и то же: «Выхода нет!»

Но так ведь не бывает! Выход всегда должен быть! Или все-таки они правы? И выхода в самом деле нет? Вообще нет…

Антон Чиж

Красный Треугольник

© Чиж А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Когда началось?

Да какая разница.

Этот сон всегда приходил незаметно. Сначала появлялась дыра в виде правильного круга, в ней виднелось небо в отсветах, на котором за ошметками туч прятались звезды.

Хватаюсь за металлический прут. Шуршит и отваливается ржавчина, ладоням скользко. Подтягиваюсь, носком ботинка нахожу опору. Поручни дрожат, крошится кирпич. Одолеваю ступеньку. Теперь выше, только выше. Ползу к цели в темноте. Мышцы сводит от страха, нестерпимо чешется нос. Но надо вперед. Туда, где круг в темноте.

Я уже близко. Круг сужается. Задеваю невидимые стенки плечами. Еще усилие – и вот я уже ловлю свежий ветерок. Поручень рвется в кулаке, успеваю вцепиться в сколотый край. Поднажал – и вот я уже наверху.

Ночной город лежит передо мной огненной картой. Улицы залиты лавой машинных фар под гирляндами фонарей. Их отражения пляшут в черной мгле канала.

Перекидываю ногу, чтобы оседлать Башню Вождя. Я точно знаю, что она называется так. Разбитый кирпич колет в пах, шевелиться боюсь, жму стенку коленями, как плохой наездник. Так высоко, что дышать страшно.

Ветер толкает, падаю животом на кирпичи.

Удержаться бы хоть как-то.

Зачем я здесь? Не знаю. Надо сделать что-то важное, настолько важное, что от этого будет зависеть… Что? Не знаю.

Веселый город рядом, рукой достанешь. Но та жизнь недосягаема, как будто отрезанная от меня темной чертой. Я вне её. Я внутри чего-то другого.

Внезапно понимаю, что сижу на горловине печной трубы, такой старой, что кладка может развалиться от крепкого щелбана. И тут накатывает… Нет, не страх спускаться по ржавым сходням, а что-то совсем другое. Как будто лопнула струна. Кристально-чистое отчаяние. Зарыдать бы, завыть, но слез нет, и голоса тоже.

И тут я вспоминаю, что должен сделать. Перекидываю другую ногу и сижу, балансируя на двух кирпичах. Стоит только чуть сильнее нагнуться, совсем немного – и…

В реальность меня возвращает шум из соседней квартиры. Пролетарии встают рано.

Смотрю на будильник – еще остается час-другой сна. Я лежу в постели и не могу разобрать, что же такое приснилось, от чего осталось ощущение тревоги? Что-то видел и забыл. Заворачиваюсь в одеяло и как убитый сплю до звонка будильника…

Так повторялось много ночей.

Я просыпался и забывал.

Но в одно долбаное утро, когда успеваешь продрать глаза, залить в кишки кофе, обдаться свежим шампунем и успеть на офисную каторгу, я вспомнил сон.

Ну, вспомнил – и вспомнил, подумаешь, проблема. Поехал вкалывать.

Если б я знал…

44-й до Эры Резины

Тимур не мог сообразить, где они познакомились. Еще недавно понятия не имел об этом парне, а вот он стал вдруг приятелем, которого можно было хлопнуть по плечу, ткнуть в живот, крепко пожать ладонь и спросить «ну, как ты?» – и обоим станет понятно, о чем идет речь. С Федором оказалось легко: можно и пива выпить, и почесать языками обо всем на свете – как с неразлучным другом, с которым дрался в детском саду, дразнил девчонок в школе и напивался в хлам на первом курсе. В общем, прожил сознательную жизнь. Вроде бы Федор тоже работал в банке.

…Получив обед из трех блюд, Тимур уже открыл рот, чтобы влить в него ложку борща, как вдруг приметил этого самого Федора, который высматривал кого-то среди сидящих за столиками. Бросив ложку в тарелку с борщом, Тимур замахал, привлекая к себе внимание Федора.

Федор бухнулся напротив и, не заказав даже кофе, но, пошутив над хилой закуской клерка, спросил:

– Ты ведь занимаешься закупками?

– Мебель и канцелярия, – кивнул Тимур, снова приступая к остывающему борщу. – В нашем отделе каждый на своей теме, сам понимаешь.

– Случайно нет крупного заказа?

– Как раз формирую начинку нового отделения. А что такое?

– Есть выгодные поставщики.

– Насколько выгодные?

Федор озвучил: процент хороший, просто отличный. Старые поставщики стали прижимисты, пеняли на кризис, жадничали, больше трех процентов отстегивать не хотели, да и то норовили оформить его скидкой. Тяжелые времена требовали новых подходов. Не без интереса Тимур спросил:

– Что за волшебники? В городе и окрестностях я всех знаю.

– Их название тебе ничего не скажет, к тому же они его часто меняют, такие чудаки, – усмехнулся Федор. – Ты погугли и сразу их найдешь, наверняка в первой десятке. Главное, на адрес смотри: на Обводном канале.

– А сам не можешь?

Федор прикрыл глаза пятерней:

– Мы с компьютером не дружим. Да, стыдно, но что поделать. А ты как найдешь – звякни, подброшу тебя к ним в офис в качестве платы за труды, заодно возобновлю знакомство.

Вернувшись в офис, Тимур вошел в Сеть. Поиск выдал четыре адреса, которых он не знал. Одна конторка, ООО «Надежда», действительно располагалась в глухом конце набережной Обводного канала. Путь не близкий, практически другой конец города. Стоило ли напрягаться?

Он принялся обзванивать незнакомые номера. В первом месте намек решительно не поняли, в другом поняли, но цена была такой, что после такого заказа пришлось бы танцевать краковяк перед службой экономической безопасности. Третий телефон молчал.

Осталась «Надежда». Ответил приятный женский голос, не визгливый, с ноткой щекочущей близости, манящий и обещающий. Кроме приятных эмоций, цены в «Надежде» оказались не просто интересными, а какими-то подозрительно выгодными. Притом все товары имелись на складе, и поставка была без предоплаты.

– У нас особые отношения с мебельными фабриками, – объяснила милая девушка, назвавшись Алисой. И напрямик заявила, что их фирма учитывает интересы заказчиков, а новых – особенно. Контора располагалась на территории бывшего завода, снимала офис и склады.

Навар поднимался густой и сладкий. Такое дело нельзя было откладывать. Тимур стремительно подписал бумажки, связался с Федором и через полчаса уже ехал в его новенькой «бомбе».

Федор успел переодеться в кожанку с большими карманами и благородными потертостями, свитер грубой вязки, с воротником, закрывавшим горло, и даже вязаную шапочку с шарфом, как будто на улице была не ранняя осень, а глубокая зима. На заднем сиденье покачивался горный рюкзак, набитый под завязку, из-под брезентового клапана выпирало цевье альпийского топорика.

– Как они называются? – спросил Федор, резко дернув передачу.

– ООО «Надежда»… – ответил Тимур и тревожно спросил: – Это точно не кидалово? Уж больно прайс интересный.

– Надежда, говоришь? – усмехнулся Федор. – Надежда не обманет. Тебе понравится.

– А это зачем? – Тимур покосился на рюкзак.

Но тут под колеса метнулся очередной придурок, игнорирующий пешеходные переходы, а когда обошлось, Федор завел шутливый треп…

Пробивались через гиблые пробки центра города, ожесточенные сумрачной погодой, мокрым асфальтом и желанием каждого переть, как ему вздумается. Объехали остатки двух аварий, свернули с Московского проспекта на Обводный канал, толкаясь в плотном потоке, миновали бывший Варшавский вокзал, ныне прозябающий в роли торгового центра, протащились мимо Балтийского вокзала, с которого население обычно стартует на огороды, и отстояли дежурный затор у моста. Но как только проскочили перекресток, дорогу словно вычистили. Да и кому интересно тут ошиваться: жилых кварталов нет, магазинов нет, развлекухи нет, только старая дорога к торговому порту.

Над набережной возвышалась крепостная стена красного кирпича. Не бетонный сарай, экономичное изделие советской промышленности, а имперская кладка в пять этажей на века. Посредине каменного вала с шеренгами пустых окон громоздилась уступами башенка с плоской крышей, циферблат без стрелок и пара покосившихся букв эпохи социализма. Мертвый завод встречал бастионом павшим, но не сдавшимся.

Не остановившись, проехали вдоль красного здания до угла, где завод прерывался Старо-Петергофским проспектом, лихо развернулись и помчали

обратно.

Неожиданно Федор тормознул так, что в Тимура врезался ремень безопасности.

– Приехали!

Припарковались невдалеке от главного входа, у которого не было ворот, а между соседними корпусами перекинулась дуга бетонного виадука, под которой пролез бы крейсер. Каменное коромысло держало перемычку из немытых стеклоблоков. В стене виднелась прорубленная дверь, давно заброшенная, над гнилым косяком торчал обрывок вывески, от которой остались буквы: «…делия».

Федор внимательно огляделся, вдруг снял куртку и свитер, под которым обнаружился скрытый тельняшкой бронежилет, и беззаботно подмигнул:

– Махнемся не глядя?

В этот момент Тимур был уверен, что так и надо поступать, а потому предоставил приятелю любимую курточку кельвинакляйна с пиджаком и рубашкой. Чужой свитер пришелся в пору, но кожанка оказалась великовата.

– Тут недалеко. – Федор застегнул молнию наглухо. – Мимо «лежачего полицейского» свернешь за разваленный домик, увидишь что-то вроде площади, на которую выходят три заводские улицы. Метрах в тридцати будет четырехэтажное здание. Наверняка наткнешься на вывеску «Надежда».

Вытащив с заднего сиденья рюкзак, с виду тяжелый, Федор закинул его на плечо и с грохотом захлопнул дверцу машины:

– Жди у входа на лестницу, скоро буду, – помахал он, как будто прощаясь навсегда, и быстрым шагом удалился.

Тимур поежился. Вещь с чужого плеча тянула и давила, в карманах что-то пряталось.

Вблизи величие завода истощалось до убогости. Свободному въезду мешал шлагбаум, перемотанный скотчем, вместо проходной торчала перевернутой

пирамидой будка из линялых досок, изнутри тренькал приемник, а на порожке задрых барбос, уткнув нос в грязные лапы. Будку подпирал охранник в черной форме, пропуск не выписал, а допустил в «Надежду» ленивым кивком небритого подбородка.

«Лежачий полицейский» приятно спружинил. Позади что-то хлопнуло, словно открыли банку с газом. Тимур оглянулся: охранник, привалясь к сторожке, посасывал пиво из банки, шлагбаум ветхо дрожал.

За углом полуразваленного сооружения действительно оказалась развилка дорог. Территория бывшей промышленности встретила обвалами стен красного кирпича. Ведущая непонятно куда ржавая одноколейка. Лысые окна, груды мусора и строительного щебня, тут и там гнутые металлические конструкции навроде орудий пыток или хитрых подъемников, раскуроченных великаном. Оборванные провода качались на сквозняке. Кое-где торчали кустики, мох сползал по стенам, будто завод покинули много столетий назад. Тишь, уныние, тоска…

Что казалось странным: примет коммерческой деятельности не замечалось. Ни контейнеров, ни снующих ребят-менеджеров, ни водил-экспедиторов с «бычками», ни мелких и даже крупных оптовиков. Покой заброшенного хутора. Даже звуки города сюда не доносились.

Тимур отчетливо начал понимать: на мертвом заводе опасно. Опасно – и все! Чем именно опасно, было неизвестно, но чувствовалось здесь что-то неуловимо неприятное – такое, что ему расхотелось навариться, а захотелось как можно скорее унести отсюда ноги.

Федор не показывался. И Тимур повернул обратно.

Но охранник замахал ему:

– Иди-иди, они близко, не заплутаешь!

– Война, что ли, прошла? – чтобы хоть как-то разогнать свой страх, попытался пошутить Тимур.

– Само развалилось…

И Тимур снова зашагал вперед.

Вывеска нужной ему фирмы действительно тут же показалась. Над дверным проемом торчал баннер с радостным возгласом «Добро пожаловать в ООО «Надежда», точно такая же надпись виднелась на уровне четвертого этажа под белыми стеклопакетами, за которыми наверняка и находился офис. Контора нашлась, а Федор нет.

Погода портилась. Из реденькой мороси родился дождик, холод пробрался Тимуру под шерстяной свитер и кожанку. Тимур поежился, терпение кончалось. Приятель запропастился, девушка Алиса ждет с контрактом, а он стоит тут и не заходит. «Все, – решил Тимур, – опаздывать невежливо, сосчитаю до ста и двину в офис». Но, дойдя до «двадцать один», он сбежал от ледяного дождя и заскочил в подъезд.

Наверх вела лестница с массивными щербатыми ступенями и старинными крепкими перилами. Лифта не было. Когда ставили этот домище, о них не догадывались. Никаких электрических лампочек – освещение составлял дневной свет из сводчатых окон. Батарей центрального отопления тоже не наблюдалось. На лестничные площадки выходили черные лакированные двери без табличек. В кафельном полу Тимур разглядел поворотные круги с литыми печатями, от которых разбегались пересекающие друг друга узенькие рельсы. Одни соединяли черные двери, другие вели от глухой стены до обрыва лестницы. Зачем они были нужны, Тимур не понял.

Доковыляв до четвертого этажа, он задохнулся – такими высокими были ступени и длинными лестничные пролеты.

Белая дверь гостеприимно призывала табличкой «Надежда». Изможденному путнику открыла милая девушка в очень короткой юбке.

– Как вы нас нашли? – приветливо улыбнулась Алиса, поскольку по голосу Тимур понял, что это была именно она.

– Легко, – соврал Тимур, с трудом переводя дух. – Что ж тут за развалины?

– Бывший завод резиновых изделий, – объяснила Алиса. – Галоши делали, шины и тому подобное. Скоро будет реконструкция под деловой квартал. Мы успели купить помещение по выгодной цене.

Офис благословенной конторы натужно сиял галогеновыми лампами. Идеальный порядок, бежевый кафель, белые стены, столы «металлик», ни веселого плаката или кактуса в горшке, у мониторов ни одной мелкой игрушки, папки в геометрическом порядке. Ничего личного и лишнего.

А вот Алиса оказалась дельным специалистом. Общий язык нашелся легко, как у тех, кто привык покупать-продавать. По каталогу были выбраны офисные мебеля, без которых невозможно трудиться во славу акционеров, Алиса оформила контракт, набросала бюджет и тут же откинула процент.

– Наши платеж зашлют, постараюсь, чтобы сегодня. Так я загляну? – спросил Тимур.

– У нас все сразу. – Алиса отсчитала порцию пятисотенных купюр. – Ничего, что евро? Надеюсь, в следующий раз обратитесь к нам.

Клятвенно пообещав, Тимур прикинул, когда на таких заказах он сможет купить себе серебристый «Ниссан-Тиана».

– У нас хорошие позиции по бакалее. Интересует? – проворковала Алиса.

– Эту тему ведет мой коллега, – выскочил из приятной задумчивости Тимур.

– Возьмите на пробу, вдруг пригодится. – Девушка выудила из недр шкафа упаковку минералки по двести пятьдесят миллилитров, запайки копченых колбас, наборы сыров, четвертушку хлебной нарезки и крошку-бутылек виски для полетов. – Оптовики предоставляют раздаточные экземпляры, это бесплатно.

Не найдя сил отказать, Тимур спрятал халяву в пластиковый пакет, выданный радушной хозяйкой, и нацелился на выход. Но Алиса опередила:

– Прошу простить за неудобство, там прохода нет, началась погрузка.

Действительно, что-то визжало, словно глыбу металла тянули по камням.

– Прошу за мной… – И, грациозно покачивая бедрами, она зацокала в глубь офиса. Симпатичные «булочки» еле скрывались юбчонкой, узкая талия походила на хваткую рукоятку, колечки рыжих волос терлись друг о друга с медовым перезвоном. Захотелось спросить номер ее мобильного.

Офис растянулся на целый этаж, но был пустым: горели мониторы, кресла от столов отодвинуты, на спинках кресел висели пиджаки и отдыхали сумочки, но сотрудники отсутствовали. Вероятно, был обеденный перерыв.

Алиса приложила магнитную карточку к невидимому замку, открылась белая дверь. Девушка-мечта улыбнулась стандартно, провозгласив с легкой печалью:

– Не забывайте нас!

На лестничной площадке Тимур рискнул узнать, что она делает сегодня вечером, но белая створка двери поглотила улыбку.

Появилось дурацкое ощущение, что он здесь уже был – буквально острый приступ дежавю. Особенно смущали мелочи: поворотный круг с игрушечными рельсами, крюк в стене, как будто тот же, ступенька с пятном краски, чугунный столбик с отбитым букетом. Быть этого не могло, потому что та лестница, по которой Тимур поднимался, находилась с другой стороны здания.

Стараясь ни на что не обращать внимания, Тимур выскочил наружу. Федора и здесь не было. Напротив красовалась погрузочная зона, маленький перрон с навесом и рельсы одноколейки.

Погода вконец испортилась, дождь барабанил по кожанке.

Обогнув корпус, Тимур остановился в растерянности. Красные стены, пустые окна и кучи мусора – вроде бы те же. Но короткого пути к шлагбауму, сторожке и Обводному каналу не обнаружилось, равно как и охранника, псины и даже лежачего «полицейского». Вместо них торчало трехэтажное брошенное строение с окнами, в которых сохранились отдельные стеклоблоки. К нему жались флигели поменьше.

Тимур был уверен, что не страдает пространственным кретинизмом: если вошел в здание в точке «А», вышел из него в точке «Б» с другой стороны, то вернуться обратно – не по лесу бродить. Невозможно заблудиться, гуляя вокруг одного дома. И хоть Федора не было, он точно вернулся на прежнее месте. Вот и баннеры…

Тимур поморгал, потряс головой и даже похлопал себя по щекам. Зарядка не исцелила, глаза упрямо видели то, что им показали. То есть – ничего.

Баннеры исчезли. Каким-то образом пропали и белые стеклопакеты. Вместо них сиротливо зияли дырки.

43-й до Эры Резины

Налево – трехэтажный корпус с пологой крышей и пустыми рамами. Ворота заперты наглухо. Направо – пустырь с развалинами котельной, в разбитую стену глядят бока кочегарки. Чем дальше Тимур отходил от корпуса, в котором находился офис ООО «Надежда», тем менее знакомым казалось окружающее пространство. Не узнавал ничего, ни единого камня или железяки. Стало зябко, дождь не переставал. А еще у Тимура появилось идиотское чувство, что за ним следят. Несколько раз оборачивался: пусто. Но в затылке ныло, словно кто-то в него целился.

Побродив в окрестностях, Тимур принял мужественное решение вернуться и спросить у Алисы дорогу, а лучше – попросить дать ему провожатого.

…Поначалу Тимур подумал, что проскочил этаж. Перегнулся через перила и сосчитал пролеты. Затем, на всякий случай, одолел подъем наверх и вернулся обратно. Безусловно, был на четвертом. Только белая дверь почернела и потеряла табличку «Надежда». Окончательно не веря своим глазам, он размахнулся и саданул кулаком по черной створке. Отозвалось эхо, как из пустой горы, а кафельный пол мелко вздрогнул.

Вокруг что-то началось. Казалось, корпус пробуждается от спячки. Из-за черных дверей нарастал гул, словно по железной дороге несся состав. Что-то лязгало,

шипело, скрежетало и поворачивалось. Лестница дрожала.

И не было Федора, чтобы объяснить, что происходит.

За дверями убегал и возвращался перестук колес, словно отправлялись и прибывали вагоны. Шумело весело, трудовой напор отдавался в ступеньках, но до него никому не было дела.

И тогда Тимур открыл дверь и вышел за порог корпуса.

То, что предстало его взору, еще меньше походило на правду. Перед ним сидело на корточках существо, весьма отдаленно напоминавшее человека. Его мордочку обтягивала грязная тряпица, глазенки, налитые ярко-багровым цветом, не мигая, пялились на Тимура. Выглядело это пугало живописно: поверх трех слоев одежки на нем надет расстегнутый плащ из зеленой резины, на босых ногах вьетнамки, прихваченные до икр жгутом для гимнастики, за спиной – куль, державшийся ремнями, а шею оттягивала переметная сума.

Бродяга воздел руки, словно сдаваясь в плен, хлопнул ладонями и каркнул:

– Сделка?

На всякий случай Тимур поискал взглядом возможных дружков, в глухом месте бомжи редко ошиваются поодиночке. Но экземпляр с багровыми глазами, видимо, промышлял один. И чертов Федор, как назло, куда-то запропастился.

– Вали отсюда, – пока еще дружелюбно посоветовал Тимур.

– Мирная сделка!

– Свободен, убогий.

– Почем водица, пришлец?

– Тысяча евро, – ответил Тимур.

Разумеется, пошутил. Но бомжара, нырнув в котомку, прошуршал и кинул пачку денег. Тимур поднял ее ради любопытства: евро в сотенных купюрах, не засаленные, настоящие – все-таки он не зря трудился в банке и научился отличать произведения народного творчества от европейских дензнаков. Откуда у ханурика такие сбережения? Но сейчас выяснять было точно не время – и «котлета» отправилась к остальным деньгам, что были при Тимуре.

– Заметано, дам воду, если покажешь выход.

– Сделка назначена! – завопил богатенький нищий.

Упаковка минералки взлетала высоко. Тимур был уверен, что уродец растеряется и выйдет прикольно. Но бомж хладнокровно выждал, когда добыча устремится к точке падения, и с ловкостью поймал упаковку на лету. Такого великолепного прыжка от голодранца ожидать было невозможно. Чтобы прыгнуть из сидячего положения, нужны мышцы лягушки, этот же тип выглядел доходягой. Как удался фантастический подскок, Тимур не понял, зато ощутил уважение к доходяге.

Побаюкав пластик, как мать младенчика, тот вдруг разодрал упаковку, рывком свинтил пробку с бутылки и с наслаждением принюхался. Он наслаждался запахом обычной воды! А ведь с такими доходами в каждом ларьке его встречали бы как дорогого гостя.

Бродяга вытянул черный блестящий язык и принялся поливать его. Тонкая струйка ударяла в мякоть языка и отскакивала брызгами, глотать он не пытался, а равнодушно проливал минералку, за которую отвалил сумасшедшие деньги. И только пялился на струйку багровыми глазенками. Жизнь на помойке даром не прошла, совсем тронулся, бедняга.

Тимуру стало совестно издеваться над больным человеком, и он миролюбиво попросил:

– Ладно, брат, воду получил, показывай дорогу.

Заморыш сладострастно облизнулся, до скрипа завинтил бутыль и спрятал в котомке.

– Туда уходи. – Кривая лапка махнула неопределенно.

Тимур еще собирался уточнить: «туда» – это куда именно? – как парень рванул. Убегал он стремительно, но странно, как разумный мячик: высоко подпрыгивая и почти не раздвигая ног. Результат вышел на зависть олимпийским чемпионам. Банковский работник и рта открыть не успел, как бомж юркнул за угол дома, а это от того места, где они только что находились, метров сорок, не меньше. Только в лужицах, по которым он проскакал, круги по воде дрожали. Был – и исчез. С его пропажей примиряла штука евро в кармане. Но вот что странно: откуда бродяга знал, что в пакете есть вода?

Затянувшееся отсутствие Федора смущало. Сам затеял, сам привел, сам поменялся одеждой, и – исчез. Может, блуждает где-то поблизости?

– Фе-дя! – во все горло позвал Тимур.

Эхо катилось по закоулкам, замирая среди заводских строений.

Время поджимало, требовалось вернуться в банк, отчитаться перед шефом, не забыв выложить на стол его долю.

Холодало. Ждать и торчать на одном месте было бессмысленно. Оставалось одно: идти прямо до тех пор, пока не выйдет хоть куда-нибудь или не повстречает аборигена. Все-таки бывший завод, а не тайга, выход найдется.

Тимур наметил проход между корпусами, но тут за домом кто-то истошно завопил.

42-й до Эры Резины

Он вырос в спальном микрорайоне и хоть пробился в чистенький мирок, но законы улицы усвоил накрепко. Правила учили: если ты один и рядом нет кодлы дружков, уноси ноги от криков о помощи. Заступаться надо только за себя, да и то, когда выхода нет. Благородные долго не живут, своя голова дороже, что поделать.

Почему Тимур кинулся навстречу визгу, он и сам объяснить не смог бы. Наверное, показалось, что в беду попал Федор. А на этот счет уличный закон имел четкое понятие.

Сидя все больше за столом да рулем, Тимур поотвык от спринтерских забегов. Но сейчас себе понравился: дистанцию одолел и даже не запыхался. И потому, когда выскочил за угол, сразу понял: это – не глюк мозга, хватившего лишку кислорода, все происходит на самом деле, с кристальной четкостью реальности.

На пятачке, свободном от битого кирпича и железного лома, суетились три согбенные фигурки в зеленых плащах и вьетнамках на босу ногу. Двое мертвой хваткой вцепились в руки пойманной жертвы, а третий вонзился в горло и тянул на себя голову. Кряхтя, жадно урча и дрожа от нетерпения, стая рвала пойманного бедолагу. Рвала буквально: кости уже вырвались из суставов, с треском лопались кожа и сухожилия. Жертва была еще жива, ее вопли переходили в визг. Но это не мешало трудягам – от усердия под холодным дождиком с них валил пар, а они тянули и тянули с бешеной силой, без устали и жалости.

Нет, это не Федор. Попался тот самый богатенький бомж.

Сбитый с толку нереальностью происходящего, Тимур остолбенел.

Бедняга еще трепыхался, но мучения его долго не продлились. С сочным хлопком лопнула кожа на шее, рвавший голову полетел кубарем, сжимая добычу в руках. Под треск плечевых суставов два других варвара разлетелись в стороны. Обезображенное тело плашмя завалилось на спину, но шар, надутый за спиной у каждого из этих существ, не дал упасть, подбросил его и перевернул на бок.

Откинув ненужные члены, стая налетела на тушку. Все трое пихались и огрызались, чтобы урвать лучшее. Наконец, самый ловкий завладел вожделенным и отвалился в сторону. Добычей стала бутыль воды, всего-навсего.

Возня стихала. Двое отставших прикончили упаковку минералки. Одному досталось две, а последнему целых три бутылочки. Разгоряченные, но довольные, они уселись рядышком, дружески толкаясь и устраиваясь у шара

жертвы, что-то оживленно обсуждая.

Тимур хорошо знал, когда наступает время оказаться как можно дальше, и осторожно попятился. Тут же мордочка, обмотанная до самых багровых зенок, уставилась на него, рот под грязной тряпкой прошамкал радостно:

– Пришлец чистый!

Как по команде вылупили свои глазки и другие рожи, также расплываясь в улыбочках.

– Что, местные, лютуете не по-детски? – выложил Тимур заученным напором и сплюнул через щербинку между зубами, как бывало во времена сложной юности. Он знал: страх показывать нельзя.

– Пришлец свежий! – радостно сообщил сидящий по центру и поднялся. Напарники последовали его примеру.

Что будет дальше, Тимур знал, силы на переговоры тратить не стал, а присмотрел железяку. Схватив ее, он двинулся на троицу. Оборванцы, цепко держа воду, радушно улыбались.

Для первого удара Тимур выбрал среднего, скорее всего заводилу. И постарался врезать так, чтобы вырубить его без добавки. Железка долбанула заморыша по плечу, ткнулсь во что-то упругое, тельце слишком легко полетело назад, спружинило и отскочило. От ударов проворной железки остальные мячиками разлетелись в разные стороны.

Добивать павших Тимур не спешил, а перевел дух, все-таки лет десять без практики, и приготовился к продолжению. Существа вскочили, пьяно покачиваясь, уставились на него с ужасом, переглянулись и кинулись врассыпную, высоко подскакивая на прямых ногах. Смылись тараканьим выводком, стремительно и позорно.

Вдалеке кто-то из них заорал сигнальной трубой:

– Пришлец лютый явился!

Тимур отшвырнул оружие победы.

– Пришлец лютый явился! – Крик с истерическим надрывом подхватили на многие голоса.

Тимур побрел к растерзанному телу.

– Пришлец лютый явился!!! – разбегался во все стороны клич этих странных безжалостных существ.

Обрубок богатенького бомжа, перемазанный сырой грязью, так и валялся, примотанный спиной к непонятному шару. В отдалении мокла голова, уставившись стеклянными глазами на туловище. Котомку разодрали в клочья, вывалив мелкое барахло с пачками долларов, фунтов и евро. Для помоечного бомжа парень был сказочно богат. Прикоснуться к грязным деньгам Тимур не посмел. Удивляло другое: бедняга должен утопать в лужах собственной крови, но ее не было, а там, где суставы вырвали с мясом, виднелись черные сгустки, блестящие и в каплях дождя. Выглядело это странно. Настолько, что Тимур не заметил, как загляделся на изуродованный труп и забыл об осторожности.

Когда до сознания вполне дошло, чем он занимается, Тимур отпрянул и стал соображать: сотрудник банка приехал на деловые переговоры, сорвал куш, но вместо того, чтобы уже сидеть в офисе, полез в драку с бомжами, а теперь оказался рядом с реальным жмуриком. И если появятся менты, а они это умеют делать в самое неподходящее время, придется объяснять ой как много: начав с того, какое он имеет отношение к растерзанному бедолаге, и закончив тем, откуда в кармане шесть штук евро. В лучшем случае – с ними придется попрощаться. Это если дежурный следопыт попадется покладистый. А, не дай бог, честный, тогда…

Тимур огляделся: кажется, никто его не видел, надо было смываться, и как можно дальше. На всякий случай он раскидал ботинком возможные следы рядом с трупом и кинулся наутек.

Далеко бежать не пришлось, Тимур снова оказался у развилки заводских улиц, где должен был находиться проход на Обводный канал. Но его не было.

Отчаяние и страх накатили внезапно.

– Фе-дор! – заорал Тимур. – Где ты?! Федь-ка! Выходи!

На плечи кто-то прыгнул и, обдав вонючим смрадом машинного масла с древним потом, зашептал:

– Тихо! Вы шо?! Умом сошел, нет?

С разворотом Тимур скинул чужие руки. Перед ним в позе стартующего бегуна присел старичок с крючковатым носом и обветренным лицом. Шара за спиной не наблюдалось, белки глаз выглядели обычно, да и казался он на удивление миролюбивым, этаким уютно-домашним сантаклаусом, правда, без намека на бороду. Незнакомец больно вцепился в локоть и приказал:

– Так шоб за мной, быстро и тихо! И без вопросов, ну!

Нагибаясь, как под обстрелом, дедок припустил к дальнему корпусу с выбитыми окнами. Не очень понимая, что происходит, Тимур постарался не отстать.

Дождь упрямо барабанил в спину.

41-й до Эры Резины

Благодетель (Тимур надеялся, что это именно добрый помощник, а не вредитель) двигался не по годам проворно, перескакивая через две ступеньки и не сбавляя темпа. Тимур изо всех сил старался не отставать от него. Они забежали в распахнутые ворота ангара, потом за проломом стены вынырнули к узкоколейке, добрались до пятиэтажного корпуса, поднялись вроде бы на третий этаж, потом на два ниже, потом снова вверх, дальше Тимур совершенно сбился и покорно следовал за зеленым пятном плаща. Ему лишь показалось, что двигаются они не вперед, а как бы по кругу.

Наконец, прыткий дед сбавил ход.

Между окнами и рядом дверных проемов оказался узкий коридор. Пол густо покрыл листопад страниц вперемешку с шестеренками, зубчатыми колесиками, болтами и прочей слесарной дребеденью. Валялась содранная с петель дверь с табличкой «Старший мастер». Прежде чем сорвать, ее долго пытали, нанося многочисленные увечья, а более всего досталось табличке. Крашеная жестянка удержалась лишь чудом, на одном гвозде, другие вырвали с мясом.

Тимур осознал, что слишком долго для нормального человека рассматривает рухлядь, при этом пуская слюну, держась за колени и дыша, как мерин после гонки. А его спутнику было хоть бы что. Дедуган прижался к дверному проему и резким взмахом руки велел Тимуру сесть. Тому уже было так равнобедренно, что он послушно шмякнулся на пятую точку и замер.

Старик приблизился к скосу, опасливо выглянул на улицу, быстро озираясь, резко присел, на карачках шмыгнул вдоль подоконника, вытянулся по другую сторону и опять произвел осмотр местности отработанным приемом заправского вояки.

На вид ему было не меньше семидесяти. Лицо его сморщилось черносливиной, толстые губы навыкат были нездорового сиреневого цвета, зато богатырские брови торчали крыльями мохнатой бабочки. Дедушка был суров, как древний идол.

Видимо, разведка показала, что опасности не ожидается. Дед скомандовал Тимуру ползти.

Поползли.

В конце коридора оказалась лестница с остатками советского кафеля и уцелевшими перилами. Тут старикан поднялся во весь рост как ни в чем не бывало и, напевая шаловливый мотивчик, направился вниз, игриво виляя полами плаща. Смена настроения была слишком резкой. Как можно изображать бегущих по лезвию бритвы и вдруг с ходу забыть осторожность? Этого Тимур не понял. Кое-как разогнулся, отряхнул колени изувеченных брюк и поплелся следом.

Большую часть нижнего помещения, скорее всего цеха, занимали широкие столы. Сверху глядели пустые корыта ламп дневного освещения. Витал затхлый дух химического склада. Пол оккупировала невообразимая свалка: штабеля

заплесневелых валенок, мятые жестяные банки, бумага, рваный картон. Серый свет валился сквозь забеленные окна. Судя по гордому виду старика, это было место его обитания.

Спаситель широким жестом распахнул плащ и спросил:

– И шо вы себе думаете?

Тимур признался, что ничего не думает, потому что разучился это делать за последний час. И особенно не понял, почему надо было так бежать.

– А если темнец таки оказался, шо тогда?

– Кто-кто? – искренно не понял Тимур.

Старичок проигнорировал вопрос и, сощурившись, поинтересовался сам у себя:

– А который у вас час?

Выставив запястье, он обнаружил, что стекло наручных часов покрывает паутина трещин, а стрелки сбились на половину первого. Видимо, часы пострадали совсем недавно.

– Какая жалость! – Хозяин часов театрально заохал. – Позвольте сказать, шо меня таки звать Йежи. А вас?

Тимур назвался.

– Да? Вот так? Любопытно. Тогда позвольте спросить, нет?

– Валяйте…

– Зачем ты пришел сюда?

Тимур решил не заметить переход на «ты», все-таки человек старше на полвека, не меньше, и ответил приветливо:

– Контракт подписывал, тут наши поставщики офис снимают, возил бумажки с печатями.

– Что ты хочешь?

– Как раз об этом. Дурацкая история, но я заблудился. Помогите мне…

– Кто ты такой?

– Офисный менеджер, считаюсь белым воротничком, но гоняют, как обычного работягу. Так я…

– Ну и ладно… – Старичок присел на краешек стола. – Так шо тебе помочь?

– Где тут ближайший выход?

Йежи хлопнул себя по ляжкам:

– Как же ты здесь оказался?

– Друг привез, а сам куда-то подевался.

– И друг пропал? Ай-яй-яй! – Йежи кивал, как резиновая собачка. – А может, звонок другу, нет?

Простая мысль показалась прямо-таки откровением. Тимур сунул руку в карман и вспомнил, что новенький айфончик остался в куртке, которую сейчас носит Федор. Вместе с паспортом и пачкой пластиковых карточек. Выругавшись сквозь зубы, он похлопал по остальным карманам, что-то похожее на трубку болталось в нагрудном. Тимур извлек нокиевский слайдер: сигнал был. Набрал номер, свой естественно, прошел один гудок, второй, и телефон мирно разрядился.

– Шо, не работает, да? Ой-вэй! Кто бы мог подумать: чудо техники дало осечку! – Кажется, старый мерзавец издевался. – Так шо хочешь с меня?

Сослав бесполезную вещь в задний карман брюк, Тимур унял раздражение и сказал так громко и медленно, чтоб разобрал и глухой:

– Где тут выход к Обводному каналу, уважаемый? Хотя меня устроит любой.

– Выхода нет.

– Как? – Тимуру показалось, что он ослышался.

– Отсюда выхода нет. Не ясно?

– Что за бред?

Йежи уставился на Тимура, не мигая:

– Шо, ты не понял?

– Что?

– Шо попал. Это шо?

– Завод какой-то.

– «Завод какой-то»! – передразнил Йежи гримасой. – Вот, например, в этом цеху, знаешь что? Шили лучшие аэростаты. Ты представляешь, шо такое аэростат? Это такая махина, что ой-йой. А, между прочим, шили нежные пальчики дам с хорошим воспитанием, не иначе! Шоб стежок аккуратно ложился. А какой был материал! Просто сказка – легкий, прочный, тут где-то завалялся рулончик. Так могу уступить.

Последние сомнения растаяли: дедок был с крепким приветом, что не удивительно – живет на свалке, питается кое-как, свихнешься и не заметишь. С таким надо только лаской:

– Так что насчет выхода?

– История такая. – Йежи сцепил пальцы замочком. – Лет сто пятьдесят назад два умных еврея притворились немцами и сложили маленький гешефт в России, шоб делать калоши. И построили-таки Товарищество Русско-американское Резиновой Мануфактуры «Треугольник». Короче, «Т.Р.А.Р.М.». Дело пошло дай бог каждому. Скоро вся империя ходила в галошах «Треугольника». Потом пришли большевики, им тоже нужны были галоши, а все больше шины. Так что заводик стал «Красным Треугольником», был флагманом индустрии. Но капитализм вернулся, флагман сел на мель и разбился вдребезги. Все развалилось. Ты меня слушаешь?

– Да. И что?

– Так вот ты тут.

– Где?

– Ой, вэй! В «Красном Треугольнике». Поздравляю, нет?

– Это всё? – Тимур уже не сдерживал раздражение.

– Тебе мало?

– Было приятно, мне пора…

– Да? А минералки не осталось?

Повернулся Тимур слишком быстро:

– Как ты узнал, что у меня была вода?

– Шо тут знать? – Йежи воздел руки к потолку и предполагаемым за ним небесам. – Удивил! Положено. И паек. Так как?

Тут Тимур обратил внимание, что до сих пор намертво сжимает пакет: целлофан пообтерся, но от фатальных дыр устоял. Разжав затекшую пятерню, Тимур выудил из пакета первое, что попалось, и протянул бедному старичку герметичную запайку твердой копченой колбасы.

У того округлились глаза:

– Это шо, мне? Так даешь?

– Спасибо за помощь. – Тимур еще хотел скроить на лице дежурный «чииз», но как-то не покатило.

Йежи схватил нарезку трясущимися пальцами, обнюхал по-собачьи, погладил и спрятал в глубины одежек.

– Водицу торбнику продал, нет? – спросил, облизнувшись.

– Кому?

– Валютой взял?

– Нет, – как мог честно, соврал Тимур.

– Таки сохрани. Растапливать годится. Скажу, шо доллары горят лучше, они из тряпки, а в еврики красок напихали, голограммы всякие, фольга, так шо ими без толку, только дым.

Болтовня этого старика становилась уж больно мутной, а бред приемлем в небольших дозах. Тимур привык относиться к жизни просто и того же требовал от нее.

– Мне пора, рад был и все такое…

Йежи соскочил со стола:

– Можно-таки нескромный вопрос? Шо у тебя в карманах? Деньги не в счет.

Вопрос оказался неожиданно интересным. Раз Федор хозяйничает в его куртке, отчего бы не узнать содержимое кожанки? Друг ведь не обидится на такую шалость.

Личный досмотр выявил: швейцарский ножик, старенький ронсон, ключи от машины с брелоком и кое-какая вещица, которую он, нащупав, показывать не стал – просто так на всякий случай, пусть будет, как туз в рукаве. Зато предъявил жестяную коробочку со стеклышком, за которым проглядывала крохотная лампочка. Старинный гаджет заинтересовал Йежи. Крутанув выпирающие лепестки, он сдвинул рифленую пимпочку, и жестянка ожила.

– О! – почтительно протянул старик. – Эта вещь, понимаю. Таки может быть…

Что он хотел сказать, Тимур не дождался и попрятал чужое добро по карманам.

– Скажите, хоть в какую сторону ближайший выход?

Прежде болтливый, Йежи как воды в рот набрал, вроде задумался о чем-то, сдвинув крылья-брови.

– Ну и пес с тобой! Сам выберусь, – сорвался Тимур.

– Может быть…

– Что «может быть»?

– Если что, ищи их в Низких цехах.

– Заметано. Как тока – так сразу. Не волнуйтесь, все будет отлично.

– Отлично? Ой-вэй! Переживи-ка сначала Ночь.

– Сам не околей.

Йежи вдруг резво метнулся к простенку и толчком отворил шаткую дверцу:

– Убирайся.

40-й до Эры Резины

На улице обнаружилась новая неприятность: потемнело так, что и на пяти шагах не разобрать дороги, заводские стены маячили черными пятнами. Здорово похолодало, дождь лил, как заводной.

Укрывшись в развалинах под ржавым навесом, где оказалось неожиданно сухо, Тимур выглянул за отбитый край стены. Окружающее показалось знакомым: кажется, сюда он вышел из офиса «Надежды», только с другой стороны заводской развилки. Скорее всего старый придурок устроил цирк с беготней ради своего удовольствия, не было никакой опасности. Но спросить с него не получится: дверь норы Йежи, растворившись в серой мгле, потерялась из виду. Надо идти вперед, или хоть куда-нибудь, вот только никак не сделать первый шаг. Что-то удерживало Тимура в относительно безопасном месте. Слушая стук дождя по крыше, он стоял и прикидывал, какой получит нагоняй от шефа, с тоской поглядывал на измочаленные лакостовские ботиночки, с отвращением чувствовал, как остывает на спине пот, мечтал о горячей ванне с паром, но не шевелился, а всматривался и прислушивался.

Громадины корпусов плавно слились с наползающим вечером. Метнулась тень с горбом-шаром, в окне показалась костистая мордочка, заозиралась и пропала. Поблизости прошуршали торопливые шаги, словно пробежал ребенок… Среди ободранных камней бурлила тайная жизнь. Вилась кругами, словно принюхиваясь и выбирая добычу.

Пробрал озноб, Тимур заставил мозги шевелиться. Проще всего – храбро выйти из застенка и ломануться напрямую. Но это было совершенно невыполнимо: натолкнуться в темноте на свору бомжей – развлечение еще то. Вернуться и заночевать у Йежи выходило безумием: пробыть до утра в берлоге бродяги – потом неделю в ванне отмокать, а одежду сразу выбросить.

Все-таки он убедил себя, что бояться нечего, и выглянул. Впереди никого не было, во всяком случае, на быстрый взгляд. Стал подгонять тело, уговаривая: «давай, браток, топай», но даже ступню от земли не оторвал. Просто не мог сдвинуться, торчал как вкопанный, даже проверил, не приклеились ли подошвы к земле. Коленки поднимались, а вот шагнуть… Животный инстинкт приказывал не шевелиться.

Приступ случился без предупреждения. Голод скрутил кишки крутым узлом, захотелось не просто есть, а жрать, жрать остервенело. Из брюха с урчанием выскочил рык голодного слона. Организм требовал немедленно бросить в топку килограмм-другой белков и углеводов.

Тимур сел на корточки, выудил из мешка нарезку колбасы, разодрал запаянный край и стал пихать в рот ломтик за ломтиком, торопливо жуя и глотая недожеванное, но лишь распаляя голод. Чувство сытости не наступало, но Тмур упрямо жевал.

Тут он увидел, что движется человеческое существо. Оно шло сгорбившись, часто втягивая носом воздух и сопя. Верно, определило, откуда несет вкусным, уставилось на корытце из-под колбасы, присело на корточки, зачарованно разглядывая опустевший пластик. Полудурок казался вполне мирным, но совсем ку-ку: только вконец свихнувшийся бомж напялит на кумпол обрезок детского мячика, наденет резиновую накидку без рукавов, перетянутую медицинскими жгутами, как матрос пулеметными лентами, а голые до икр ноги обвяжет все теми же жгутами. На ступнях его по местной моде были вьетнамки.

Чучело облизнулось и приблизилось на полшажка. Даже в сумраке было заметно: белки его глаз отливают кобальтовой синевой.

Сегодня Тимур не был расположен к милосердию и социальной ответственности перед малоимущими, а потому схватил бетонный обломок и метнул существу в лоб. Бомж упал навзничь, но, не пикнув, тут же бойко вскочил и растворился в темноте. Как и не было.

Чувство голода пропало так же внезапно, как появилось. Заглянув в пакет, Тимур обнаружил лишь две запайки. В приступе обжорства он уничтожил три упаковки колбасы, две сыра и весь хлеб. Он облизал пальцы, насухо обтер их о погибшие штаны и смачно рыгнул. Теперь организм требовал напиться.

Сунувшись откупорить бутылочку воды, Тимур пожалел, что удачно продал ее. Потому что пить было нечего. Просто нечего. Из жидкости остался крошка-бутылек виски, но язык, как назло, требовал каплю обычной влаги. Под ногами приятно чернела лужа, на сырые кирпичи звонко капало, но пить было нечего. Нечего пить было! В ушах скандировал крик: «Пить! Пить! Пить!»

Теперь Тимур думал только о глотке чистой воды. Перед глазами всплыла упаковка хрустальной минералки, которую он отдал за штуку евро. А ведь сейчас медленно оторвал бы краешек целлофана, вынул бутыль, она бы мягко легла в ладонь, плотная, приятная, студеная, крышечку бы открутил, бутылку бы поднес ко рту, и потекла бы, родимая, в нутро. А как ее лакал урод с горбом! Его воду. Его чистую водицу…

Тимур щелкнул себя по носу, отгоняя воспоминания. Но пить все равно хотелось нестерпимо. Осталось одно: подставить ладони и ждать, пока в линии судьбы наберется лужица. Накопленную влагу он слизнул как святыню – во рту сразу появился химический привкус. Но это была вода. Кое-как приноровившись, утолил жажду. Можно было идти, но кругом он не видел ни зги.

Где-то вдалеке крикнули тревожно и протяжно, зов подхватили разными голосами, и он пронесся совсем близко. Тимур расслышал:

– Ночь спущена!

Клич пронесся над крышей и исчез в закоулках. Шуршал хилый дождик. Тишина оказалась крайне неприятной. Тимур решил, что не двинется с места: замерзнет, промокнет, простуду подхватит, что угодно, но в темень – ни шагу.

Ночь расположилась по-хозяйски. Над темными полотнами стен угадывались силуэты крыш в зареве городского света. Метрах в трехстах, ну, в полкилометре отсюда, текла нормальная жизнь: можно было сесть в такси, поехать по освещенной улице, завалиться в кафешку, позвонить ребятам или подруге, потупить за теликом. А Тимур сидел в развалинах мертвого завода и боялся шевельнуться. Невозможно поверить.

– В натуре, безумие! – согласился Тимур вслух.

В детстве он болел страхом темноты. Казалось, там, в черной вате, притаились. Стоит шагнуть, как неведомые твари примутся кружить под ногами, щекотать шею и дышать в щеки, вот-вот коснутся склизкими пальцами и заглянут в лицо… В темноте Тимур испытывал беспомощное отупение, но в семь лет он победил страх. Просто заставил себя подняться по темной лестнице, и все кончилось. Сейчас темнота взялась за старое. Как и тогда, Тимур услышал тюканье сердца в зубах. А еще ощутил, что поблизости прячутся. Кто-то ждет и готовится,

выбирая удобный момент. Кто-то пришел за ним, в этом он почему-то не сомневался.

Тимур приказал себе встать.

Где-то поблизости раздался голосок, но скоро оборвался тоненькой стрункой. Что-то тяжко шлепнуло раз-другой, затихло. Послышался шорох, как будто тянули по песку куль.

– В цех волоки! – крикнули высоким голосом.

Теперь оно приближалось. Может, это темнец, которым пугал Йежи?

Загнав свой страх поглубже, Тимур медленно попятился к видневшейся дырке, если повезет – дверному проему. До него оставалось метра четыре, не больше, главное, не шуметь. Почти справился. Но под каблуком хрустнуло.

Ничего не произошло. Но Тимур почувствовал: пора улепетывать, как заяц, не оглядываясь. Он припустил. И сквозь грохот сердца услышал погоню. С Йежи бежал неизвестно от чего, а вот сейчас его на самом деле догоняли.

Метнувшись в пустой проем, Тимур разобрал лестницу и кинулся вверх. Не думал, что будет делать в следующую секунду и куда бежит, как спрячется или загонит себя в ловушку. Его гнал инстинкт, желание выжить, хотя шансов это сделать практически не было. Сзади нагло топали, тяжело, но проворно.

Почти на ощупь, Тимур выскочил на площадку и уткнулся в пустоту: гигантское помещение цеха было расчерчено тенями подпорок. Он заметался в поисках хоть какого-то укрытия или лазейки, но кругом было чистое пространство. Не спрятаться, не скрыться. Наугад рванул в сторону и уткнулся в простенок бытовки. Все, это конец, загнали в угол, деваться некуда, шорох разлетающегося мусора стремительно приближался. Внезапно тело само заставило Тимура пригнуться. Над темечком что-то просвистело, стукнулось об стенку и с глухим чмокающим звуком отлетело обратно.

И тогда Тимур выхватил спрятанный козырь, сжал в кулаке и, как мог далеко вперед, выкинул руку. Ощутив мягкий тычок, нажал пуск и стал давить не

переставая. Голубые молнии разряжались с сухим хрустом.

Недолгая тишина закончилась звуком рухнувшего врага. Электрошокер Федора выручил. Теперь можно было убежать, спрятаться по-настоящему и дождаться утра. Измученное тело умоляло дать деру, но Тимур победил его. Нащупал в кармане ронсон, нажал педальку, турбопламя загудело пчелкой. Синий язычок освещал так слабо, что поверженного разглядеть не удалось. Тимур решился на крайнюю меру: вынул евро и хладнокровно поджег. Красочная бумага загорелась с праздничным треском, прибавляя света. Поднес валютную лучину, чтобы рассмотреть, кого же он вырубил.

На холмике сапожных стелек, свесив голову, скрючился некто маленького роста в резиновом плаще химзащиты и кожанке с костяными пуговицами. Рука его сжимала нечто вроде короткой палицы с торчащими штопорами. Что любопытно: от запястья к рукоятке тянулся резиновый жгут, чтобы палицу можно было кинуть и вернуть. Оружие казалось диким, и названия-то ему не было, кроме летальник, но для пробивания затылка хватило бы.

Тело не шевелилось. Тимур поднес догорающую купюру к лицу и разглядел, что победил женщину, скорее молоденькую девицу, довольно милую, хотя косметика и сережки ее не украшали, потому что их не было, а шрамов хватило бы на трех мужиков. Девочка, видимо, бойкая, так и норовила влезть куда не следует. Одно казалось странным: уж больно тихо отдыхала она от ударов электричества.

Бумажка догорела, прихватив пальцы. Ругнувшись, Тимур пожертвовал второй сотней, тронул девчонку за грязную шею и не нашел пульса. Нет, это невозможно. Бытовой шокер может привести к обмороку, но убить им практически нереально, только в редчайшем случае, если у несчастного стоит кардиостимулятор. Судя по лихому виду, со здоровьем у девицы было все в порядке, бегала она как лань. Тимур откинул рукав плаща и опять поискал у нее пульс. Как ни старался он уловить трепет вены, но под нежной кожей не ощущалось признаков жизни.

Третья сотня высветила неутешительную правду: только что им был убит человек, то есть женщина, молодая, хоть и дикая. Конечно, это была самооборона и все такое, но деваться некуда: счет открыт.

Что делать теперь? Звать на помощь поздно, да и некого. Тащить ее в отделение и сдаваться ментам, чтобы впаяли по полной, а потом сгинуть на зоне? Или бросить все, как есть, и бежать без оглядки? Стоит ли жизнь этой бомжихи расплаты его жизнью – устроенной и правильной, за которую положено столько сил, за которую Тимур бился, чтобы навсегда вырваться из спального района и от дружков, спившихся и побитых наркотой?

Внизу что-то зашуршало. Тимур вскинул бумажный факелочек. В темноте обрисовались мордочки, замазанные копотью, и голые телеса не толще скелетов, лишь на бедрах были покрышки. Сидя на четвереньках, существа преданно уставились на Тимура, как стая дворовых псин, сидели и… виновато улыбались. При блеклом свете евро белки их глаз цвели молодой зеленью. Бомжи оказались совсем уж диковинные, на улицах и в переходах таких не встретить. Тимур засмотрелся с некоторым интересом, не чувствуя опасности.

– Долю малую молим, пришлец лютый, – прошамкал зеленоглазый.

– Чего? – не понял Тимур.

Видимо, это сочли разрешением. Ближний шмыгнул к телу и ногтем ловко чиркнул по горлу. Тонкая красная линия пересекла шею девицы и вздулась багровой жижей.

Деньги потухли.

Когда Тимур сумел разжечь четвертую сотку, он увидел, что черномазые голыши аппетитно слизывают сгустки крови и жадно ковыряются в ране.

Его вывернуло прямо на ботинки, до дна очистив желудок. Один из едоков, оставив угощение, подполз на четвереньках, виновато осклабился и принялся жадно слизывать блевотину. В щербатую челюсть Тимур врезал ботинком. Стайка цветноглазых испуганно затихла, ожидая кары, но, видя, что продолжения расправы нет, подхватила падаль и поволокла в темноту. Летальник покорно тянулся за мертвой рукой, застрял, резиновый жгут напрягся, и дубинка, упорхнув в темноту, шлепнулась во что-то.

Пока догорала бумажка, Тимур выбрался из цеха. Внезапно его осенило, как можно найти дорогу. Он вспомнил, что научился неплохо летать, правда, во сне.

Техника проста: оттолкнуться сильнее, поймать поток воздуха и управлять руками, как элеронами. С хорошего толчка можно пролететь метров сто, воздух плотный, как кисель, надо правильно лечь, поджать живот, не дышать, главное, забраться повыше. Для этого как раз подходил корпус, видневшийся через двор.

В лихорадочном возбуждении не считая этажи и сожженные деньги, Тимур одолел лестницу и выбрался на последнюю площадку, где и нашел, как нарочно для полета, высокое окно с широким подоконником. Отсюда он доберется до соседней крыши, потом – до следующей, а там, глядишь, окажется на Обводном.

Тимур уже закинул на подоконник ступню, радостно готовясь к взлету, когда что-то бренькнуло. На пол вывалилась связка ключей Федора. Бело-синий брелок сигнализации приветливо мигнул зеленым диодом.

Взглянув на ботинок у края окна, на дружелюбный брелок и опять на ботинок, Тимур с размаху залепил себе пощечину, крепко добавив по другой щеке. Холод пополз по спине, пальцам, ступням, остужая разгоряченный мозг. Тимур съехал на кафельный пол, поближе к брелоку. Под задницей хрустнул пластик – старая «Нокиа» превратилась в запчасти. Осколки полетели в окно, Тимур не отрывался от брелока: зеленый глазок подмигивал, как будто утешал и советовал не распускать нюни, мол, все уладится, брат.

И он поверил.

Собрался было раздавить бутылек виски, но передумал: впереди долгая ночь, надо иметь свежую голову, чтобы дожить до утра, чего бы это ни стоило, да хотя бы ради брелока или назло Йежи. Бутылек и остатки колбасы пристроились в обширном кармане кожанки.

Перебравшись в угол, Тимур сжался, притянув коленки, и выставил электрический меч, на котором осталось два деления. Главное, не заснуть, но шуметь, стараясь согреться, нельзя, неизвестно кого принесет нелегкая ночью. Стал вспоминать любимые фильмы, стараясь прислушиваться к тому, что происходит поблизости.

Ночь жила в странных звуках, доносящихся издалека.

Похлопав веками, Тимур приказал себе не спать.

39-й до Эры Резины

Кажется, где-то кричали. Тимур вздрогнул и прорвал пелену сна. Открыв глаза, он увидел муть пасмурного утра и шокер перед собой.

Крик приближался. Тимур напрягся. Эх, все-таки не уследил и провалился в сон! А ведь казалось, всю ночь не сомкнул глаз, так и просидел, держась у зыбкой границы сна. Все пялился, казалось, на лестницу, видел какие-то тени, потом оказался в рыбачьей лодке, тянул из воды полную сеть. Или вроде бы сидел под ветвистым деревом – и опять находил себя на кафельном полу. То вдруг видел смутный силуэт той, с которой расстался, но все еще не мог забыть. Кажется, она приходила, стояла молча, не стремясь помочь или утешить, и исчезала в зыбком приливе другого сна. Кажется, он даже улыбнулся такому приятному видению и крепче стиснул рукоятку шокера. Но все это было наваждением.

Крик стал яснее.

– Ночь ушла! – расслышал он.

Весть пролетела мимо окна и устремилась вдаль.

– С гребаным добрым утром, – нарочно вслух сказал Тимур. – Кофе с булочкой в постель.

Тело промерзло до полной нечувствительности, когда же он рискнул шелохнуться, то не справился с мышцами. Колени не желали разгибаться, а руки саднило и сводило, будто их засунули в крапиву. Пальцы не желали выпускать шокер. Что-то похожее испытывал, наверное, Железный Дровосек, когда совсем заржавел.

С огромным трудом Тимур встал. А потом, с огромным трудом и испытывая боль во всем теле, нагнулся, чтобы поднять брелок. Тимур присматривал за ним всю ночь: верный друг бодрствовал и утешал, пристроившись на полу. И теперь был бережно спрятан к деньгам.

Чтобы пережить мучительные страдания тела, Тимур оперся об оконный проем. Замер и посмотрел вниз. Внизу расстилались поля округлых крыш в лохмотьях ржавчины, похожие на улей с гигантскими ячейками. «Треугольник» строили раз и на века, его план был могуч и ясен: к длинным прямым корпусам примыкали узкие перемычки, соединяя все строения замкнутым радиусом. Даже отсюда было заметно, что завод похож на город, в котором есть кварталы, улицы и площади, расположенные по закону строгой пропорции и цели. В планомерно вытянутых двориках чувствовалась забота настоящего хозяина-творца. Немецкая логика указала цеха ставить так, чтобы с максимальной быстротой доставлять изделие к следующей обработке. Багрово-красные строения мертвого гиганта внушали неожиданное уважение и особое удовольствие, какое порой вызывает картина величественного упадка. Тимур невольно залюбовался и вдруг приметил за краем заводских крыш желтеющие дома на той стороне Обводного канала. И хоть затянутое тучами небо не пропускало солнца, сигнал пробуждения был подан.

Прорезался отдаленный гам машинных клаксонов, дребезжание тяжелых грузовиков, голоса радиостанций, визг трамваев и прочая какофония звуков, какие выплескивает проснувшийся город. Обычно раздражающий шум показался сейчас прекрасным. Вчерашний день, с беготней, трупами и приступом голода, виделся теперь заурядным кошмаром. Боль в мышцах утихла, Тимур сделал вывод, что ненароком впал во временное помешательство. Страх поблек, Тимур даже усмехнулся – до какой глупости дошел. Надо же, показалось, что убил шокером агрессивную бомжиху и вообще как ребенок заплутал в трех домах. А ведь надо всего-то пройти по большой заводской улице, которая непременно выведет уж если не на Обводный, то на Розенштейна или Старо-Петергофский.

Вынув пультик, он навел его в окно и отправил сигнал. Ответное пиканье «бомбы» услышать было невозможно, но мигающая кнопка подтвердила: сигнализация работает успешно. Значит, машина Федора на месте. Не без мстительного удовольствия Тимур подумал, что приятель наказал себя, поменявшись одеждой. Может, бедняге, даже пришлось спуститься в метро, ничего, пусть помучается, будет наукой.

От этих мыслей настроение резко пошло вверх. Откинув страхи, Тимур не мог понять, с чего это его переклинило: уже два года крепче коньяка ничего не употреблял.

– Пришлец лютый месреза отпустил! – вдруг заорали где-то за крышами.

Тимуру не было дела до местных странностей, пора на работу. Наверное, уже восьмой час, только и успеть встать под душ и переодеться.

Крик разлетался по дворам и закоулкам завода все дальше.

И тут в нижнюю челюсть Тимура словно всадили гвоздь, садистски провернув раз-другой. Тимур застонал и схватился за больное место. Недолеченный зуб мстил за ночевку на холоде, принявшись зудеть и напоминать о том, как ему плохо. Чтобы дотерпеть до дома, требовалось немедленное тепло. Тимур стянул шарф Федора, после трех попыток замотал челюсть, но вместе с головой: получился шерстяной хиджаб. На улице так не походишь, любой патрульный заставит вывернуть карманы, но до машины добраться – сойдет. Не обращая внимания на капризы зуба, Тимур покинул ночное убежище в отличном настроении.

В темноте он не мог вчера увидеть, куда именно спрятался, но теперь, осмотрев дворик между цехами, нашел все те же следы разрухи, высаженные окна и раздробленный кирпич. Выход вел через полукруглую каменную арку, на которую опирался меньший корпус.

– Тимур! – позвал негромкий голос.

Он не испугался, а удивленно осмотрелся – кто может звать его в пустом дворе, может, Федор объявился? Живых среди каменных развалов не замечалось. Не слуховая же галлюцинация, в конце концов.

– Тут я! – опять сообщил невидимка.

Это становилось неприятным. Слишком много дел, чтобы играть в прятки. Тимур, не оглядываясь, отправился к арке.

– Куда, ты? Здесь я!

Один из больших камней зашевелился, открывая довольно худого человека, в летной куртке и очках сварщика на лбу, над которым пышно кустилась кудряво-черная шевелюра. Фокус объяснился просто – незнакомец прикрылся плащом под узор камней, искусство маскировки, не более.

Присмотревшись, Тимур не смог понять: знаком этот тип или нет. Может, где-то встречались? Рядового бомжа тот явно превосходил.

– Куда делся, тебя все ищут, – тревожно-громко прошептал курчавый.

– Ищут меня?

– Чингиз разослал всех, уж думали, Темнец тебя достал, тогда совсем плохо, глас что-то странное доносит, дескать, пришлец какой-то лютый явился, да и вообще, пока тебя не было, ситуация резко ухудшилась. Чингиз сказал, что надо очень, понимаешь – очень, торопиться, все тебя ждут, а тебя нет… А я Чингизу говорю, наверное, он след учуял, решил выждать Ночь, давай, говорю, утром покараулю, он любил, говорю, раньше в цеху Полетов схорониться, там-то тебя искать бесполезняк, понимаю, так я на выходе решил побыть. Чингиз разрешил. И вот ты тут, молодец, а что, плащ не нашел?

Выслушав торопливый бред, Тимур решил виду не показывать: скорее всего обитают тут не только бомжи, но и сумасшедшие, клиники закрыли, вот они и подались сюда, среди руин веселее. Оставалось неясно, откуда ненормальный знает его.

– Где выход? – спросил Тимур и дружелюбно улыбнулся.

Шизик, кажется, обиделся:

– Ты что, проверяешь меня? Это же я, Мик!

– Так, где выход?

Тип с нежным имечком «Мик» и ростом под два метра надул губы и пробурчал:

– Ищем всегда, отыщем с победой. Теперь доволен?

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Тимур, убедившись в правильном диагнозе: совсем идиот. – Пойду я, дел много, всего тебе доброго.

– Пойдешь? – удивился Мик до такой степени, что даже рот открыл. – Куда пойдешь? Ты, Тимур, наверное от перехода утомился. Вот-вот… Я не обижаюсь… Давай рюкзак, помогу донести.

Зуб опять прихватил, и Тимур плотнее затянул шарф на челюсти. Хуже было другое: в бреде субъекта появилась еле уловимая логика. И от этого стало тревожно, словно смутное подозрение, не дородившись мыслью, выползало из глубин, неуверенно царапая. Тимур решился попробовать его на прочность:

– Рюкзак остался у Федора.

– Да ты что? – Мик хлопнул себя по ляжкам. – Весь рюкзак?! Вот уж беда так беда. Все, пропали. Что Чингиз скажет? Даже не знаю… Столько надежд… Как это случилось?

– Я его не нашел, – сказал Тимур уклончиво.

– То есть хочешь сказать?.. – Мик закрыл рот ладошкой, словно страшась исторгнуть кощунство. – Ты прошел… А проводник…

Тимур изобразил неопределенный жест.

– И рюкзак с ним?

– Скорее всего.

– Ну вот, пришла беда, откуда не ждали. Что теперь делать?

Тимур не знал ответа не только для Мика, но и для себя.

– Как говорит Батый: слезы лить – только воду изводить. – Мик запахнул плащ, растворившись в кирпичной среде, голова его, как в балаганном фокусе, повисла в воздухе. – Я в цех, обрадую Чингиза. Ты дуй следом, надо решать, что делать. Пусть Чингиз голову ломает.

Накинув капюшон, Мик снова стал совершенно невидимым и стремительно выскочил в арку.

Одна малоприятная подробность прояснилась наверняка: Федор зачем-то якшался с этим сумасшедшим и, судя по всему, с целой бандой психов, везя им рюкзак, набитый какими-то очень ценными вещами. Может, таблетками? И топор приготовил, чтобы не скучали без дела. Допустим, это имело какое-то разумное объяснение. Но для чего понадобилось втягивать его, Тимура? Взял бы сам, да и привез в любое время, а то выдумал целую историю про выгодного поставщика. Нет, про это не выдумал, откат мирно почивал в кармане рядом с контрактом. Тогда зачем Федьке понадобилось тащить рюкзак?

Ругнув себя, что тратит драгоценное время на всякую чушь, Тимур направился к арке. Но как только вступил под свод, откуда ни возьмись, под ноги метнулась тень и замерла, подставив спину в рабском поклоне.

– Пришлец лютый, помилуй! – На Тимура почтительно уставилась мордочка с ярко-голубыми белками глаз. Этот смахивал до неприличия на вчерашнего любителя колбасы, угощенного кирпичом, и, кажется, странное слово «пришлец» перепоясанный бомж обращал именно к нему. Других адресатов не имелось.

– Как ты сказал? – переспросил Тимур.

– Пришлец лютый, дозволь поведать?

И этот идиот. Не будет же нормальный бродяга бухаться на колени и носить вьетнамки осенью.

– Чего надо? – неласково спросил Тимур.

– Место тебе назначено, – важным тоном ответил синеглазый.

– Вали отсюда, пока цел…

– Не серчай, пришлец лютый! – Бомжара с размаху хлопнулся лбом об асфальт. – Честь большая, тебя просят. Прислан дорогу указать.

– И кто же меня хочет видеть?

– Честь большая, не гневайся.

Парень с опаской посматривал снизу вверх, отчего его худая мордочка вытянулась в щучий оскал. Угостить бы посланца в челюсть ногой и отправиться своей дорогой, но любопытство часто берет верх над разумом, захотелось узнать, кто же приглашает на встречу. Серым утром чувство опасности притупилось и не давало о себе знать, а скрытый шокер прибавлял храбрости.

– За мной следуй, пришлец. Изволишь?

– Хрен с тобой. Но потом покажешь ближайший выход. Усек?

– Как изволишь, пришлец.

– Эй, что за дурацкий «пришлец»?

– Так ведь ты пришлец и есть… как же иначе.

– Меня называют Тимур.

Провожатый вздрогнул, спрятал на груди трясущуюся лапку и, выпучив синие зенки, проблеял:

– Не серчай, не признал, послали меня.

– Нужен ты мне больно. Самого как звать?

– Лизнецы мы. – В голосе его послышалось что-то вроде гордости. – Разве Тимур не знает?

– Кого и куда ты лизнец, это твое личное дело. Звать-то так? Имя свое помнишь?

– Лизнецы мы…

Тимур пожалел, что начал прения с умалишенным. Переступил через согбенную спину и предоставил лизнецу обогнать его, указывая курс. Чудик в резиновой

безрукавке забежал вперед и, согнувшись, указал ручками, куда гостю следовало добропожаловать. Во рту у парня появилась продолговатая трубочка черного вещества, которую тот жевал, причмокивая. Тимура уже ничего не удивляло, даже если бы этот жалкий тип разделся догола и полез на стену.

Минули одну арку, за ней – другую, рядом с третьей лизнец согнулся чуть не до земли и сообщил:

– Место назначенное.

Следовало понимать, что Тимуру полагается войти в очередной цеховой дворик.

Посреди него виднелось одноэтажное строение с разобранной крышей. Может, трансформаторная будка или мелкий склад, да что угодно. Домишко покрылся диким кустарником, тянувшимся с холмов строительной помойки. Окружающие стены в три этажа были густо прорежены окнами с множеством дырок в стеклоблоках. Тишина и покой царили в уютном местечке.

Осмотревшись, Тимур так и не нашел, кому понадобился. Никто не спешил навстречу. Может, Йежи опять пошутил? Наверняка, больше некому.

Мысленно подбирая достойную кару старому бомжу, Тимур повернул к арке и обнаружил полное исчезновение лизнеца. Его место заняли два персонажа, возбуждавшие интерес, несмотря на схожесть одежки. Каждый из них имел за плечами плащ химзащиты приятно-болотного цвета, тело прикрывал резиновый кожух, перехваченный крест-накрест ремнями, далее располагались штаны, казавшиеся плотными, концы которых были заправлены в здоровенные сапоги, а колени прикрыты кусками автомобильных шин. Разглядеть лиц не представлялось возможным потому, что головы наглухо обтягивали старые лётные шлемы, а глаза – закопченные очки, вроде слесарных. Но совсем неигрушечные предметы сжимали резиновые перчатки электриков.

Тот, кто был слева, оперся в асфальт металлической трубой, с двумя рядами ручных гантелей, торчащих, словно восьмиконечный якорь. Этот предмет так и хотелось назвать шестогант. А вот другой вертел деревянным черенком с насаженной шестерней, в которую косичками вделали цепи с мелкими шестеренками на концах. Тимур успел подумать, что хорошо бы назвать это орудие цепопик. Невольным движением Тимур показал, что собирается прорвать

их ряды. Шестогант с цепопиком нацелились на отражение любой атаки, а уж такой хилой – тем более. Бойцы не проявляли агрессивность. Просто указывали, что надо обернуться…

Тимур бесстрашно показал им спину.

На вершинке мусорной кучи восседало довольно объемное тело, затянутое в ту же резину, ремни, штаны и сапоги с галошами. Вот только шлем и слесарные стекляшки не скрывали одутловатое лицо и всклоченные волосы. В таком возрасте, на взгляд Тимура – хорошо за сорок, украшения в виде мешков под глазами не выглядело аморальными. Даже у женщины. Это, без сомнений, была женщина в зрелом возрасте. Резиновый жакет указывал размер груди не меньше четвертого.

– Прости, что послал лизнеца. Не знал, что ты. С пришлецом попутал, – сказала она усталым голосом. – Темнец наказал их брать.

Тимур молча кивнул, не понимая, зачем дама говорила о себе в мужском роде. Поза ее выражала скрытое достоинство, если не властность. Возможно, так показалось потому, что опиралась она о палицу с торчащими кувалдами и резиновыми трубками между ними, ни дать ни взять – молотильник, так что могла послужить моделью для «витязя на распутье».

– Позволь спросить, раз повстречались?

Тимур изъявил согласие.

– Зачем тебе понадобился Мурьетта?

Происходящее становилось все более похожим на спектакль в исполнении бродячей труппы сумасшедшего дома, но, помня про цепопик и шестогант в тылу, Тимур счел за лучшее подыграть, заодно проявив чудеса догадливости. Он понял: спрашивают о ночной охотнице.

– Так вышло.

– Решил вернуться в наш цех?

– Пока нет.

– Он теперь должен занять место Мурьетты.

Сейчас Тимура устроил бы любой вариант, лишь бы скорее оказаться на Обводном. Он был готов вступить хоть в пионеры, а не только в цех. И потому решился на блеф:

– Да, знаю.

– В самом деле, готов прийти к нам?

– Скажем так: думал.

– Думал? – Женщина с молотильником удивленно подняла брови. – О чем ты?

– То есть на каких условиях.

– Разве тебе не известно?

– Хочу услышать от… тебя. Еще раз. Мог упустить какие-то важные детали.

Грозная дама стиснула вершок молотильника и очень вежливо спросила:

– Тимур, я готов повторить тебе условие столько раз, сколько захочешь. Но почему скрываешь лицо? Разве я не открыт перед тобой. Зачем прячешься?

Большой опыт уличных стычек, когда врага лучше запугать и обмануть, чем использовать силу, не оставлял надежды: хитрость провалилась. Пора было идти ва-банк. Он развязал шарф, подставляя ветерку щеку с нывшим зубом.

Женщина улыбнулась:

– Тебя зовут Тимур?

Отпираться не стал.

– Жалко, лизнец спутал… – добродушно сообщила она. – Так это ты, пришлец лютый?

– Видимо, да…

– И ты справился с Мурьеттой?

– Это была самооборона. Она напала первой. Я просто защищался.

– Тебе не в чем оправдываться, победил сильного врага. Гордись. Ты везучий и сильный, хотя по виду и не скажешь… Можешь называть меня Вито.

– Я не знал, что…

– Но позволь спросить: как голыми руками смог одолеть Мурьетту? То был лучший месрез.

Кем считалась погибшая девица, теперь уже наверняка – погибшая, Тимур не понял, а переспрашивать было не с руки, мало ли что придумают больные люди. Главное: стучать в ментовку она явно не собиралась.

– В армии прошел курс спецподготовки, – на всякий случай соврал Тимур и добавил: – Разведрота спецназа ВДВ, Хабаровская дивизия.

Ничего более страшного выдумать не смог, но храбрые ребята сзади не дрогнули, Тимур присматривал за ними краем глаза. Зато на Вито произвел нужное впечатление.

– Мурьетте повезло, его отпустил достойный враг, это хорошо, – без тени печали сказал она. – Но позволь спросить, почему не взял летальник?

– Мне не надо её… его оружия, у меня оружие повсюду. – Тимур широким жестом обвел дворик. Чувствовал, что зарывается, но не мог остановиться.

– Достойно! – Вито склонила взлохмаченную голову. – В таком случае мое предложение в силе.

– Я подумаю…

– По закону отпустивший месреза занимает его место в цеху.

Любопытно, что Вито избегает слова «убить», откуда у сумасшедших такие причуды?

– А если не соглашусь?

– Тогда должен доказать, что имеешь на это право. Готов?

Прикинув шансы, Тимур не нашел даже захудалого: шокер для цепопика с шестогантом – просто игрушка.

– Согласен, но мне надо вернуться в город по важному делу, и тогда…

– Выхода нет, – равнодушно проговорила Вито.

– То есть? Что значит нет?

– Твоя жизнь изменилась навсегда. Прежняя закончилась. Считай, что ты умер. И родился заново. Все, что происходит – на самом деле. Не сон, не галлюцинация. Все по-настоящему. Из Треугольника выхода нет. Потому что его нет. Тебе достаточно?

– Простите, Вито, это бред. Город через несколько стен, и…

– То, что ты называл городом и привычной жизнью, находится поблизости. Но туда ты не попадешь никогда. Потому что там – Далёко. А ты здесь. Ты в Треугольнике, хотя мы называем Внутри. Обратно дороги нет: ни по крышам, ни через стены, ни под землей, ни хитростью, ни умом. Не трать силы напрасно.

Не собираясь наступать на вчерашние грабли, Тимур медленно выдохнул и даже изобразил деловой «чииз»:

– В таком случае у меня вопрос: как может быть?..

– У пришлеца всегда много вопросов, – оборвала Вито. – От него зависит, на какие успеет найти ответы. Глупые пришлецы узнают мало потому, что их быстро отпускают. Но ведь ты умный? Попробуй жить. И тогда сделаешь много открытий, может быть, удивительных. Что ответишь?

Сосчитав про себя до пяти и убедившись, кто сумасшедший, Тимур сказал:

– Заметано, принимайте в команду.

Вито жирно улыбнулась:

– Чтобы быть принятым в цех, пришлец должен выполнить три условия. Во-первых, заплатить…

– Сколько?

– Плата обычная…

– Евро возьмете?

– Упаковка колбасы.

Он готов был поддержать шутку, но, глянув на даму, обнаружил: это на полном серьезе. За деньги у них – колбаса? Отлично. Жаль – не камешки.

Вытащив предпоследнюю запайку, Тимур вежливо протянул ее Вито. Та стремительно кинулась, вырвала упаковку из его руки, прижалась к целлофану носом, сладострастно охнула, но, словно застеснявшись, скроила жуткую личину и запрятала еду в тайниках плаща.

– Плата принята! – торжественно объявила она.

– Что теперь?

– Ответы.

– Легко.

– Зачем пришел сюда?

– Договор с подрядчиками.

– Какой?

– Секрет фирмы.

– Кем был в Далёке?

– Менеджером.

– Каким?

– Самого среднего звена, само собой.

– Где?

– В банке. Что-нибудь еще?

Тимур буквально кожей ощутил, что ляпнул что-то не то. Вито, до сих пор непринужденно поигрывая рукояткой молотильника, вдруг напряглась и уставилась недобрым взглядом. И тут от страха и отчаяния его прорвало. Тимур заорал во всю глотку:

– Образование не интересует? Диплом? Опыт работы? Справку Два-НДФЛ не надо? А то я сбегаю…

– Пришлец-то и вправду лютый, – с довольным видом сообщила Вито. – Хорошо, что ты не презренный мозак.

Тимур был полностью согласен, хотя понятия не имел, кто они такие.

– Остается последнее, самое легкое, – продолжила она.

– Давайте уж скорее…

– А все готово.

На расстоянии удара изготовился хозяин цепопика, кованые косички нетерпеливо кружились, шестеренки хищно звякали.

– Выбери любое оружие, – доброжелательно предложила дама. – Клайд будет честно ждать.

Искать Тимур не собирался, а нагло тянул время. С задумчивым видом подошел к мусорной куче, высматривая путь отступления. Как назло, дверей на первых этажах не имелось, а подскакивать до железной лестницы, свисавшей на хлипких петлях, он не рискнул. Поединка было не избежать. Он подобрал трубу с рогатым концом и с тоской отправился на ристалище.

Вскинув руку, Вито свистнула:

– Лей-не-жалей!

Противник был и тут же исчез, подпрыгнув с ровного места на три роста. Будто в замедленной съемке, Тимур следил за его приближением, видел, как замахнулся цепопик, плавно изгибаясь, летит к голове. Последнее, что заметил: стремительно растущая шестеренка.

Темнота.

Разжав веки, узрел на фоне серого неба статую: Вито возвышается, попирая облака. Кажется, еще и давит ему на грудь пяткой.

– Пришлец устоял! – услышал он глухо, словно через стену. – В топку его.

38-й до Эры Резины

Темнота жала, душила, лишая сил, как клейкий сироп. Неужто его закатали в асфальт живьем? Лихорадочно глотая омерзительно-теплый воздух, Тимур смог унять этот страх. Но тут же накатил другой: что он спеленут по рукам и ногам, забит в гроб. Тимур судорожно дернулся, ощутил, что совершенно свободен, только лежит на чем-то твердом. Но где он? Может, помер? Вокруг кромешная тьма и ничего более. Ад? Нет, для места мучений грешников слишком тихо.

В полной темноте человек теряет ощущение верха и низа. Тимуру казалось, что если шевельнется, то свалится в пропасть или взлетит надутым шаром. Пребывать в таком состоянии долго невозможно, и так скромные остатки разума рассыпятся окончательно. Сойти с ума в полной темноте, должно быть, довольно скучно.

Уперев локти в твердое, он приподнялся, не зная, что за этим последует. Случилось полное ничего. Тогда Тимур осторожно вскинул ногу и уронил. Раздался глухой «бом», как в железной бочке.

В дальнем углу, если во тьме есть дальний угол, что-то зашебуршало, и тихий голос спросил:

– Здесь кто-то есть?

– Я, – произнес Тимур, прислушиваясь к ватному эху, и добавил: – Есть. Кажется…

– Вы где? – опять спросил кто-то, наверняка не эхо.

– Тут, – ответил Тимур, потому что не знал, где именно.

– Вы считайте, я подползу на звук.

– Что считать? – Голова Тимура работала с перебоями.

– Да хоть натуральный ряд…

– Кого?

– Один, два и так далее…

– Один, два… три… – напрягшись, выдавил Тимур, но дальше пошло легче.

На счет «семь» кто-то тронул его за колено.

– Нашел! – прошептали из темноты. – Здравствуйте.

Тимур промычал что-то.

– Вы не против, если я сяду к вам плотнее? Все равно ничего не видно, а говорить надо тише, могут услышать…

Сейчас Тимур был согласен на все и только спросил:

– Где мы?

– В топке, конечно.

– Все-таки в аду?

– Это настоящая топка для пережигания золы.

– Зачем?

– Чтобы добавлять в резину, от этого она становится черной и крепкой. Между прочим, главный секрет дореволюционного «Треугольника». Если выберемся отсюда, во что я уже не верю, будете чумазым, как из печки. Здесь слой гари в палец толщиной.

Простые слова придали бодрости. Резво взяв себя в руки, Тимур встряхнул мозгами, отчего их затопила еще более сильная, чем зубная, боль, но это было пустяком. Зато снова нашел себя.

– Меня Димой зовут, а вас?

Тимур назвался.

– Познакомились, – сообщил Дима из темноты. – Как вы сюда попали?

– Приехал заключить выгодный контракт.

Послышался тихий вздох:

– И я клюнул на глупейшую приманку. Наша компания отхватила заказ на программное обеспечение для какого-то министерства, и шеф на радости согласился поменять компьютеры…

– Нашли в сети ООО «Надежда» с таким офигительным предложением, что невозможно было не приехать? И еще откат обещали?

– Почти верно, – печально согласился Дима. – Только про откат я не понял, а фирма называлась ООО «Возможность».

А ведь Федор рассказывал, что полезная контора часто меняет название. Все просто: под разными вывесками заманивают доверчивых лохов, дают денег, а потом… Что «потом» – не понятно. Смысла во всем этом не было ни на грош. Если бы хотели убить, ограбить или заставить переписать квартиру, то он давно бы разлагался под слоем мусора на городской свалке. Все, что происходило вторые сутки, не поддавалось нормальному объяснению.

– Вы сколько в Треугольнике? – спросил Дима, словно извиняясь.

– Со вчерашнего утра… Кажется…

– Так это вы пришлец лютый?

– Откуда эта идиотская кличка?

– Так ведь глас был…

– Какой, на фиг, глас? – Тимур почувствовал, как его захлестывает волна здорового бешенства. – Какой пришлец? Что за бред собачий?! Что за хрень?! Твою мать!

Ругаться в кромешной тьме оказалось муторно: непонятно – кричишь вслух или про себя, эхо мешает.

– Простите, не хотел вас обидеть, – подал голос воспитанный парень. – Но лучше не кричать, могут услышать и прийти раньше срока.

– Кто?

– Месрезы.

– Это банда сумасшедшей лесбиянки, которая называет себя Вито и говорит, словно мужик? Или её напарнички, один, значит, Клайд, а второй, неужто Бонни?

– Извините, мне кажется, вы еще ничего не знаете…

– Не знаю, – решительно согласился Тимур. – И, честно говоря, знать не хочу. Меня интересует только одно…

– Выхода нет, – перебил невидимка. – Извините, его действительно нет.

– Дима, вы кто по профессии?

– Математик, то есть занимаюсь программированием систем…

– Короче, человек рациональный, не придурок обдолбаный. Тогда объясни, Дима, как может быть, что в разрушенный завод, под боком у центра города, можно попасть, а выйти из него нельзя? Пусть стада бомжей и сумасшедших поверили, им все равно, но ты как на это повелся?

Ответа не последовало, Дима помалкивал.

– Эй, напарник. – Тимур вслепую ткнул куда-то в область его бока. – Ты жив?

– Я все время об этом думал, – тихо ответили из тьмы.

– О чем?

– Как такое возможно.

– И много надумал?

– Появление территории, в которую можно попасть, но выйти нельзя, в принципе не противоречит фундаментальным законам физики… Если рассматривать «Красный Треугольник» как черную дыру, но не в астрономическом смысле особой формы материи, которая затягивает свет и не выпускает из себя никакие волны, и даже может менять пространственно-временной континуум…

– Старик, заканчивай лекцию, и так тошно.

– Извините, давно не с кем было поговорить… Так вот, я сделал кое-какие прикидки, и получается довольно простая математическая система, которая…

– Значит, в административной границе города Санкт-Петербурга появилась черная дыра? С чего вдруг?

– На это вопрос ответ в принципе невозможен.

– Мне плевать на твои принципы! – Тимур повернулся к Диме, но темнота уничтожила эффект. – Как отсюда выбраться, умник?

– Я попал в Треугольник, наверное, больше десяти ночей назад, точно не знаю, часы разбились, а телефон потерял. – Теперь Дима говорил жестко и уверенно. – Я пытался найти выход среди цехов и улиц. Я прятался, выживал и все время стремился найти выход. Забирался на крыши и пробирался по ним – бесполезно. Нашел старые подвалы, определил направление, но все равно никуда не вышел. Я искал решение этой задачи, как никакой другой. А у меня, между прочим, красный диплом, и мои работы считаются образцом математических решений! Доступно излагаю?!

Хоть и темно, но Тимур понял, что парень сильно разволновался, не следовало затевать драку, когда результат непредсказуем.

– Не кипятись, – примирительно попросил он. – Может, тут избушка на курьих ножках водится? Ведьмы с лешими? Русалки на ветвях не сидят?

– Почему вы мне не верите?

– Я себе не верю.

– Но факты…

– Какие факты? – Тимуру меньше всего хотелось получить доказательства странного чувства, которое старательно глушил, а оно упрямо просилось наружу.

– Разве вы не заметили, как странно здесь одеты люди…

– Это бомжи, что ли?

– …как необычно ведут себя и говорят? А знаете почему? Потому что они живут нормально для Треугольника, только так, как здесь можно выжить.

– Слизывать кровь с трупа тут считается нормальным?

Димка вежливо хмыкнул:

– Наверное, видели голышей с покрышками на бедрах? Это лужники.

– Они вампиры?

– Они голодны. В Треугольнике главное богатство – вода и пища. Воду собирают, когда идет дождь. А едой может быть все, чем можно питаться, особенно Теплой Водицей, она сытная.

– Что?

– Ну так здесь называют кровь…

Тимуру привиделось, как мерзкие существа расправляются с Мурьеттой, и рвотный комок снова подкатил к горлу. Тимур глубоко задышал, видение отступило.

– А колбаса тут вместо денег? Копченая – валюта, а вареная по какому курсу?

Раздался звук, будто кто-то голодно облизнулся, но Тимура это мало взволновало:

– А что означают все эти лужники, месрезы, лизнецы, мозаки какие-то…

– Извините, я не знаю точно. – Дима выпустил пар и теперь снова стал застенчивым юношей, судя по голосу. – Тут много кого собралось. Есть, например, гласники, глабы есть, да мало ли кто. Но больше всего живцов – у них нет своего цеха, выживают сами по себе, как смогут. Стараются быть незаметными, и глаза у них серые, потому что пыль едят. А вот лужники, кажется, самые презираемые, пьют воду из луж, отчего белки их глаз позеленели, сами понимаете: бывшее производство, в почве много отходов меди. Лизнецы, это что-то вроде цеха прислужников, только они жуют резину, чтобы не чувствовать голода. От этого их белки синеют.

– А месрезы?

– Охотники. Их очень мало.

– Кого ловят?

– Всех, кого найдут. Когда глас объявит Ночь.

– Глас – это крики, которые я слышал?

– Да, его несут гласники, но их мало кто видит, очень скрытные. Зато все слышат.

– И все эти полудурки – обычные люди?

– Самые настоящие, из плоти и крови.

– Слышал про каких-то темнецов, а это кто?

– Не знаю, – слишком резво ответил Дима, будто не хотел касаться неприятной темы.

Молчание повисло в темноте. Тимур старался поверить, но сознание яростно сопротивлялось, этого не могло быть потому, что не могло быть никогда. Он просто приехал за контрактом, его подвез хороший приятель Федор, пусть даже и пропавший, а этот – в темноте рядом с ним – местный сумасшедший, они часто строят такие красивые теории, что начинаешь верить. Ну, конечно, так и есть. Только нельзя ни в коем случае показывать, что разгадал хитрость.

– Зачем же месрезы нас держат? – аккуратно спросил Тимур.

– Вот это странно. Понимаете, они никогда не отпускают свою жертву, ой, простите, я имел в виду, здесь не принято говорить «убивать»…

– Уже понял.

– Так вот, месрезы только оглушают и забирают Теплу Водицу, причем делают это сразу и только Ночью. Они никогда не берут в плен. Меня поймали при свете и засунули сюда. К сожалению, не знаю, как давно. А вас?

– Тоже… Там сейчас утро.

– Вот видите, как странно.

– Может, потому, что они называли меня пришлецом?

– Пришлецом называли потому, что для местных – вы новенький, еще не стали никем.

– А кем же можно?

– Это решать Треугольнику.

– Ты, брат, на кого уже выучился?

– Только пришлец… Извините, случайно не найдется кусочка еды?

– И выхода отсюда нет? – Тимур не собирался отдавать последнюю колбасу первому встречному в темноте.

– Это так. – Дима охнул совсем по-бабьи.

– И что же делать?

– Просто жить. Поверьте, это уже подвиг.

Безумия более чем достаточно, понял Тимур. Он не намерен отдавать свою Теплу Водицу, не будет глотать из луж или жевать резину и тем более охотиться по ночам, он собирается быть самым лучшим из возможных вариантов – самим собой. Так что пора выбираться, тем более что зуб в темноте присмирел, наверное, испугался. И головная боль отступила.

Тимур бесполезно поглядел по сторонам и спросил:

– Не проверял, как отсюда вылезти?

– Вот там… ой, вы же не видите, что-то вроде стыка. Может быть, дверца выпускного отверстия. Но без света не определить.

Без надежды, похлопав по карманам, Тимур обнаружил, что месрезы благородные бандиты: вещи не тронули. Нащупав продолговатую коробочку, покрутил металлические лепестки с ржавым треском и, с надеждой замерев, щелкнул пимпочкой. Хилый лучик, утонув в темноте, уперся в худющую физиономию, которую украшали треснувшие круглые очки. Владелец их крепко зажмурился, отчего стал похож на смешного утенка – трогательного и беззащитного. Рассчитывать на помощь такого ботаника не приходилось,

настоящий Дохлик, что тут говорить.

– Ух ты! – все еще жмурясь, воскликнул Дохлик. – У вас свет! Просто чудо. В Треугольнике нет электричества.

– Как нет?

– Совсем нет. Отрубили, как и воду. Зачем ток на мертвом заводе?

– Показывай выход.

Фонарик пробивался из последних сил. Ползли на коленках, стараясь не шуметь, выходило медленно, пришлось делать остановку и снова заряжать ручной аккумулятор. Наконец, желтый кружок света нащупал вертикальную стенку: добрались до предела котла.

Дохлик принялся шарить в черном иле и вправду покрывшем дно, замер и возбужденно прошептал:

– Нашел!

Посветив в черноту, где виднелась ладонь парня, Тимур разглядел только копоть.

– Не перепутал?

– Надо расчистить… Я постараюсь…

Черная грязь от давности стала вязкой и неподатливой. Дохлик распыхтелся, освобождая еле заметный контур заглушки. Тимур освещал, экономя силы, пока в полу обрисовался круглый стык. Не выпуская фонарик, поднялся, сколько дала труба, уперся плечами и со всей силы саданул пяткой. Стальной кожух оказался не хуже колокола, волна пробрала до печенок, но дверца не шелохнулась.

Пленники затаились. Снаружи было тихо. Неужто месрезы беспечно оставили котел без караула?

– Хватит, – испуганно попросил Дохлик. – Они обязательно услышат.

– Боишься, что отпустят?

– Как вам сказать…

– Не дрейфь, брат, скоро будешь заплетать синус в косинус дома. – Тимур бодрился, но не был уверен в успехе: створку могли держать винты или просто заварить снаружи. Передав фонарик Дохлику, он вытащил оружие швейцарских офицеров и открыл самое длинное лезвие.

Щель была очень узкая, нож пропихивался еле-еле. Но все-таки двигался. Вдруг лезвие уперлось намертво. Тимур осторожно потыкал, пока не попал в пустоту – щеколда нашлась, оставалось самое трудное. Фонарик у Дохлика в руках ходил ходуном.

Половчее ухватив рукоятку ножа, Тимур постарался не думать, как швейцарская сталь выдержит, выбрал правильное направление наугад, притиснул лезвие к краю щеколды и надавил что было сил. Рукоятка врезалась в ладонь, металл заскрипел, но щеколда не шелохнулась.

– Может, мне попробовать? – неуверенно предложил математик.

Тимур пристроил нож с противоположной стороны задвижки, теперь уже надеясь на чудо или нарост ржавчины, кое-как изогнулся мостом и саданул ботинком, не жалея пальцы. Щеколда дрогнула и поддалась. Вдохновленный надеждой, он жал и жал под медленный скрежет, так что не заметил, как задвижка съехала. В ту же секунду дверца отвалилась, впуская столб света.

– У нас получилось! – восторженно проговорил Дима.

Вот теперь медлить было нельзя. Бережно укрыв нож-спаситель в куртке и отобрав фонарик, Тимур пихнул бесполезного напарника:

– Шагай первым.

Дохлик послушно засунулся в отверстие и нырнул. Внизу глухо шлепнулось.

– Как дела?

– Нормально, ногу ушиб.

– Месрезов нет?

– Кажется, нет…

Тимур выждал, прислушиваясь, уперся о край дырки, неспеша опустил ноги, стараясь рассмотреть, куда предстоит падать, и выскользнул «солдатиком». Приземлился мягко и даже не кувыркнулся. Успел заметить просторный цех, котел на металлических козлах. Все вышло неожиданно гладко, лишь одно было странно. Дохлик стоял на коленях, словно готовясь к покаянию, от очков остались покореженные дужки. А над ним с плавным шорохом пролетали шестеренки. Клайд (видимо, это был он) вращал цепопик, следя за Тимуром.

Дохлик виновато и беспомощно улыбнулся, неумело подмигнув, выговорил губами «беги!» и схватил колени месреза в охапку.

37-й до Эры Резины

Спасение сулили ворота. Благородству – не время, да и не знаком Тимур с этой штукой. А потому рванул, считая форой секунды три: на большее Дохлика, нет, все-таки – Димки, не хватит, взмах цепи укоротит подвиг. И успел прорваться на простор, когда услышал звуки погони. Тимур бежал вдоль стены цеха, ища хоть какой-то поворот или укрытие. Как назло, серый корпус тянулся без конца. Свист цепей слышался все ближе, еще немного – и полоснут шестеренками от души. Каждым прыжком Клайд сокращал расстояние.

Впереди объявилась диковинная махина. Тимур на бегу смог разобрать, что это вагонетка, летящая по узкоколейке. От колес тянулась цепочка до маховика с велосипедными педалями, которые яростно вращал малорослый водила.

Увернувшись от прицельного взмаха цепопика, Тимур на бегу ухватился за край вагонетки, подпрыгнул и мешком повалился на дно. Железное чудо понеслось, не сбавляя ход. Вскоре погоня Клайда отстала.

Вагонетка прыгала на ухабах. Тимура кидало от стенки к стенке, на которой громоздилась стальная надпись «Галоши Треугольникъ Т. Р.А.Р.М. С.-Петербургъ 1860», голова надрывалась болью, вокруг грохотало и скрежетало, но было удивительно хорошо, так, что мысли о судьбе Дохлика отодвинулись на потом.

Водила с железным котелком на голове и мотоциклетными очками, у которых осталось только одно целое стеклышко, а второе заменяла фанерка, навалился на рычаг. Под вой тормозов вагонетка сбавляла скорость до тех пор, пока не встала вовсе. Высунувшись, Тимур обнаружил тихий перекресток меж цеховых стен. Пора выходить?

Невдалеке, где обломок воздуховодной трубы свисал до земли, двигался силуэт с шаром за спиной. Ковылял, тяжко переваливаясь и шатаясь, как заводная кукла с поломанным механизмом. Чем дальше удалялся одинокий шароносец, тем больше у Тимура крепчала уверенность, что это не кто иной, как его знакомец – богатенький бомж. Поверить, что тело, вчера разодранное на три части, сегодня разгуливает средь бела дня, было невозможно. Значит, это все-таки другой торбник, похожий, как две зеленые горошины, на вчерашнего. И хоть Тимур заметил разодранную суму, из которой торчала головешка пластиковой бутылки, все равно заставил себя убедиться, что совершенно точно это незнакомый бомж. Торбник свернул за угол, благополучно прервав Тимуровы сомнения.

Между тем водила уперся ломом в чугунный круг, на который въехала тележка, хорошенько поднажал и заставил конструкцию медленно повернуться. Вагонетка поменяла направление и покатила куда-то в глубины завода. Тимура будто не замечали.

Однако как только колымага затормозила, шоферюга оглянулся и буркнул:

– Приехали. Вылазь.

Покинув уютное пространство, устланное резиновыми стельками, Тимур огляделся: вокруг теснились домишки одинакового красно-бурого кирпича,

совсем трущобы, двухэтажные, ветхие, над ними вилось переплетение лохматых трубопроводов.

– Плата!

Неуклюже одолев край вагонетки, Тимур гордо спросил:

– Евро возьмете?

– Ты что, пришлец, закон не знаешь? – рыкнул спаситель.

– Смотря какой…

– Плата едой. Или Теплу Водицу сцеживай.

Товарно-денежные отношения гражданина не интересовали. Он сурово уставился в целое очко, нечесаная бороденка в следах сажи угрожающе растопырилась. При этом он откровенно поигрывал разводным ключом, от паровоза, наверное. Доказать право на бесплатный проезд сил не осталось, голова у Тимура гудела растревоженным колоколом. И он попер внаглую:

– Ты что, несчастный, с месреза плату требовать вздумал? Все темнецу донесу!

Водила пробормотал что-то гневное, впрочем, не отрывая от сиденья зад, и рыкнул:

– Плюнуть бы, да жаль на тебя воду изводить, пришлец лютый… Темнецом пугать вздумал… В другой раз на Супермарио не рассчитывай. Чтоб тебе утро не увидеть!

Под яростное кручение педалей драндулет исчез за поворотом.

На негнущихся ногах Тимур доплелся до ближайшего провальчика между стеной с пожарной пристройкой и рухнул. Требовалась передышка, чтобы собраться.

Тимур кое-чего добился в жизни потому, что быстро освоил простую истину: надо делать только то, что выгодно, за все платить конкретную цену и усилия прикладывать к тому, что приносит пользу. Каждую копейку заработал собственным горбом, а потому знал им цену. Родителей богатеньких у него не было, а те, что имелись, дальше своих шести соток ничем не интересовались. Тимур рано понял, что не потянет свой бизнес, да и хлопотно это, намного выгоднее пристроиться на хлебное место и потихоньку складывать центик к доллару, не хапая много и не жадничая, делясь, с кем следует. В результате не по годам мудрой политики у него образовалась хоть однокомнатная, но собственная квартирка с почти выплаченным кредитом родному банку, немного свободных денег в «голубых фишках» и возможность загорать с очередной девочкой под звездными пальмами. Тридцатник маячил на горизонте, Тимур наслаждался всеми благами, которые позволяют деньги, прочно стоял на ногах и не видел ни единой причины, которая могла бы его свалить.

Но сейчас, прижав к кирпичной стенке голову, снова разрывающуюся от боли, с синяком в полщеки и ладонями, перемазанными сажей, в чужой куртке и собственных измазанных штанах, обнаружил себя в глубочайшем нокауте. В такую бессмысленную историю он не вляпывался никогда. Бывали проблемы и передряги, но из них было ясно, как выбраться. Впервые в жизни Тимур совершенно не знал, что предпринять. Мало того что все-таки убил человека, так еще и оказался в каком-то гиблом месте, из которого не выбраться. Уже трое сообщили радостную новость, что отсюда «выхода нет». Принять это Тимур отказывался. Готов был поверить в базу инопланетян под Лувром, но то, что нормальный, сильный, вменяемый, непьющий мужик не может выйти с территории разрушенного завода – никогда.

Зуб, помалкивавший до сих пор, предательски дернул челюсть. Хоть зубная боль помогает забыть любую другую, Тимур стащил шарф, чудом уцелевший, и замотался бедуином. В наступившей тоске уже намерился точно прикончить бутылек виски, но тут в плечо стукнул камешек.

Из-за угла строил рожи Мик, энергично вращая рукой. Кудрявый знакомец с опаской осмотрелся, перебежал, согнув свои два метра роста в три погибели, и прижался к стене.

– Чего расселся? – прошипел он. – Чингиз ждет давно. Сидишь тут, понимаешь, а мы там носимся как угорелые… Нечего тут… Отдыхающим пристроился…

Тимур еще подумал, не послать ли энергично юношу куда подальше, но его подхватили за плечи и толчками погнали через улицу.

– Да что с тобой? Клея, что ли, нанюхался?

Видимо, это была местная шутка: несмотря на очевидный режим конспирации, Мик загоготал.

Миновав стальные козлы, забитые баррикадой лысых шин, они оказались у старой трансформаторной будки с отчетливым призывом: «Стой! Высокое напряжение! Убьет». Мик распахнул дверцу, ухватился за высоковольтный предохранитель и дернул. Открылось потаенное убежище. Тимура толкнули. Он послушно нагнул голову, чтобы пролезть, сделал пару шагов, чуть не свалившись с подлой ступеньки. За ней оказалась низенькая комнатка с чудовищно грязными окнами да коптящей горелкой. Около желтого пламени виднелся абрис человека в плаще.

Мик подошел к горелке и выставил ладони к пламени:

– В тенечке отдыхал, представляешь, Чингиз? Каков красавец, да?

– Отвечай, – командирским голом произнес тот, кого назвали Чингизом.

Тимур разрывался между болью в голове и в зубе и потому равнодушно спросил:

– О чем?

– Для начала: где рюкзак.

– Я же говорил, у Федора остался… Он сам не появился?

– Кто? – насторожился Чингиз.

– Федор, конечно…

Чингиз уставился на Мика с немым вопросом.

– Переход был тяжелый, не в себе чуток, – пояснил тот.

– Почему не пришел сразу, зачем пропадал Ночь?

Тимур понял, что спрашивают его.

– Да на меня месрезы охотились, пришлось отбиваться.

Кажется, Чингиз собирался выпрыгнуть из себя:

– Что?!!

– Ты что несешь… – начал было Мик, но его резко оборвали, а Тимура очень вежливо спросили:

– Где выход?

Требовалось не ударить в грязь лицом, и так изрядно пострадавшим.

– Ищем всегда, отыщем с победой, – повторил то, что слышал утром.

Чингиз удовлетворенно кивнул, подхватил горелку и поднес поближе к гостю.

– Зачем замотал лицо?

– Зуб болит.

– Сними, ты же в цеху, среди своих.

Хоть бы все эти странные игры и угадывание чужих паролей скорее закончилось! И Тимур сдернул зубную повязку. Чингиз не шелохнулся, внимательно разглядывая незнакомца, и напряженно спросил:

– Ты кто?

– Допустим, Тимур…

– Вот как?

– Как папа с мамой назвали. Скажи, уважаемый, к вам Федор не забегал? А то у него моя куртка, а у меня его ключи от машины… Федора знаешь? Такой высокий, рюкзак у него, кстати, альпинистский, еле в машину влез… Молчать не вежливо, я же не денег в долг прошу…

Чингиз отшатнулся и заорал:

– Строй!

Мик отпрыгнул к окну, в руке у него появился предмет, похожий на толстую резиновую трубку, в оба конца которой всадили топорики. Дверь, скрытая простенком, распахнулась, влетела парочка, так быстро, что плащи их еще парили, когда те приняли боевую стойку. В полутьме различались крупный и поменьше. Вроде бы один мужик, а другая – лысая девка. Каждый вооружен резиновой трубкой, один предпочитал натыкать в нее тесаки, а другой – широкие лезвия. В хилом свете горелки выстроился боевой, без всякого сомнения, отряд психов, вооруженных если не до зубов, то до рук – точно. Более всего грозным орудиям подходило название махобой. Тимур отметил, что ему явно нравится давать названия здешнему оружию, приветливо сделал ручкой и сказал:

– Как дела, коллеги? Спасибо, у меня – отлично.

– Признайся, кто ты? – Чингиз нагнетал угрозу.

– Менеджер банка, приехал оформить контракт, заблудился, не могу выйти, блуждаю тут со вчерашнего дня, помогите, люди добрые, добраться до Обводного канала или хоть Старо-Петергофского, хорошо заплачу. Готов отдать все, что есть – целую тыщу евро. Договорились?

– Откуда знаешь тайный клич?

Тимур махнул на кучерявого:

– Он проболтался.

– Я?! Да вы что! Вранье, как есть?! Ничего не говорил! – Мик изобразил оскорбленную невинность. – Надо такое придумать, подумайте? Чтоб я сказал, да…

– Молчать! – рявкнул Чингиз. – Как тебя зовут?

– Друзья зовут Тимур, родители – Тёма, любимые женщины – Тёмик, шеф – Василич, а по паспарту я… К сожалению, не покажу, остался в куртке у Федора. Верьте на слово.

– Как ты попал в Треугольник?

– Сначала на «бомбе», потом – ногами.

– Так это ты – пришлец лютый?

Тимур хотел поклониться, но в голову отдало колющей болью.

– Вот это беда! – вдруг выпалил Чингиз и знаком приказал своим сблизиться. Они зашептались кружком, Мик зло поглядывал за вражиной.

Наверное, решалась его судьба, но Тимуру было совершенно наплевать. Лишь бы затянувшийся кошмар кончился, и чем скорее – тем лучше. Он готов был даже сдаться в ментовку, взяв на себя и Мурьетту, и еще, сколько ни навесят. Только бы оказаться там, где действовали законы, пусть жестокие, но понятные.

Совещание кончилось. Присяжные вынесли решение и собирались огласить вердикт, для чего вытянулись в боевую шеренгу.

– Зачем ты пришел сюда? – торжественно провозгласил Чингиз.

Тимур издал неконтролируемый стон: кошмар отправлялся по кругу.

– Что это значит?

– Это значит – достали. То месрезы гоняют, то торбники за бутылку воды своего раздирают, то придурки голые кровь лижут, кто еще остался? Всех давайте! А, забыл: еще темнеца…

– Откуда Темнеца знаешь, пришлец? – крикнул кто-то из строя.

– Мой лучший друг, блин! А что?

Чингиз выдвинулся и возвестил:

– Итак, пришлец, узнай свою участь. Ты достоин…

Решение стаи осталось неизвестным, потому что стекла разлетелись в осколки, а на комнатку обрушился град кирпичей, железной арматуры и даже автомобильных покрышек. Боевой отряд немедленно занял оборону. В простенке распахнулась дверь, за которой никого не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/chizh_anton/krasnyy-treugol-nik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити